

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

№ 1 (43) 2021

Брусиловский прорыв

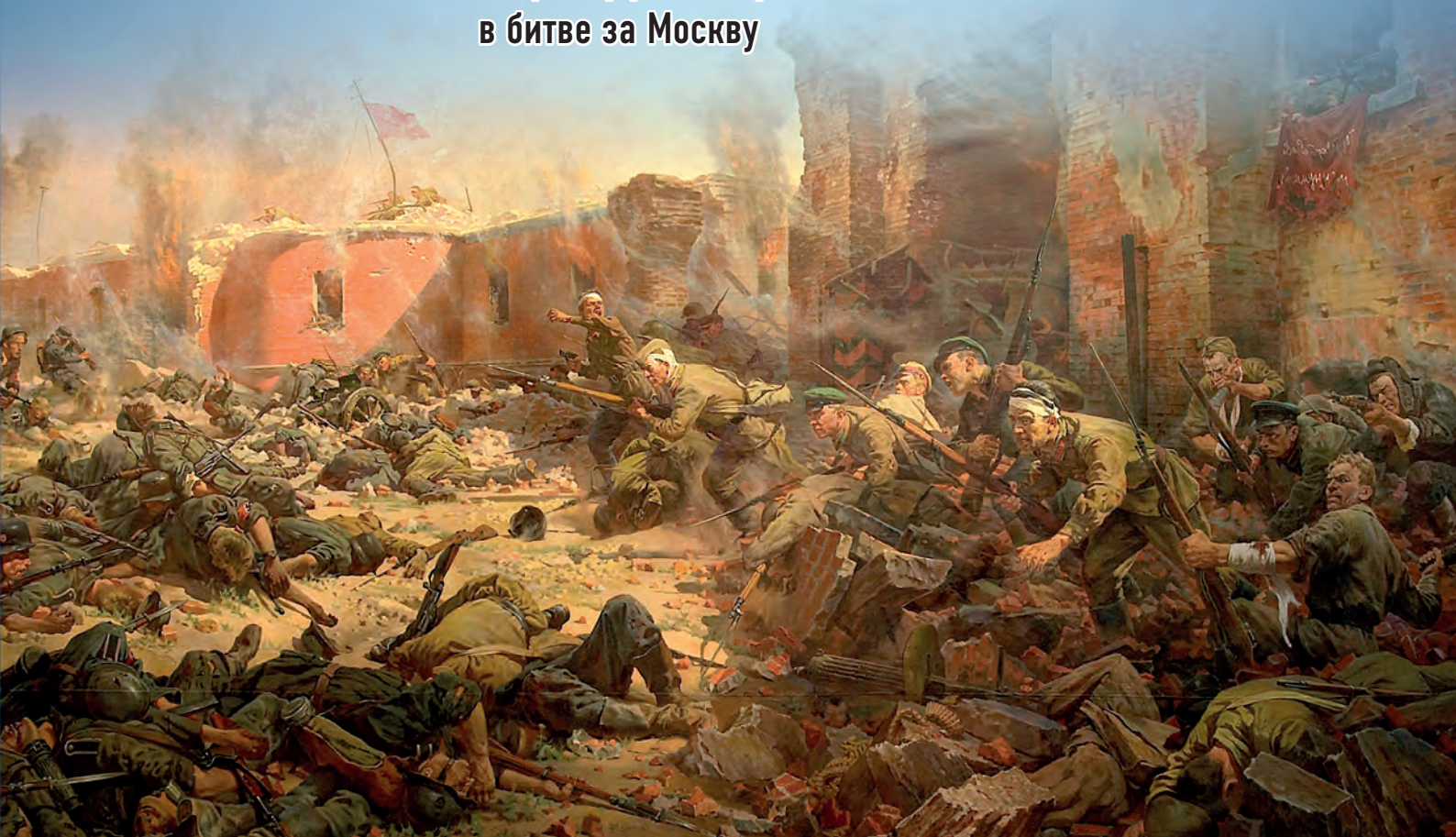
Полководец «холодной войны» маршал С.С. Бирюзов

Сестры милосердия и Крымская война

Награды по службе в Российской империи

105 лет со дня первого ночного боевого вылета
бомбардировщика «Илья Муромец»

Люфтваффе под прицелом немецких зениток
в битве за Москву

23 апреля 2021 г. в музее открылась новая выставка «Помнит мир спасенный...», подготовленная совместно с Российским государственным архивом новейшей истории (РГАНИ). На ней представлено около 170 уникальных документов, многие из которых экспонируются впервые, передающие дух эпохи периода Великой Отечественной войны и реалии международных отношений военных лет.

В торжественной церемонии открытия выставки приняли участие: Председатель Российского исторического общества (РИО) С.Е. Нарышкин, руководитель Федерального архивного агентства, член Президиума РИО А.Н. Артизов, директор Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) И.А. Пермяков, директор Департамента культуры Министерства обороны РФ А.В. Горный, председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» К.И. Могилевский, научный директор Российского военно-исторического общества (РВИО) М.Ю. Мягков, Президент Фонда памяти полководцев Победы, дочь Маршала Советского Союза И.С. Конева – Н.И. Конева, сотрудники архивов и музеев, представители общественности.

Редакционный совет:

В. Афанасьев
(председатель)
Е. Породина
(ответственный
секретарь)
Л. Каминская
С. Кожин
В. Котикова
Е. Лазарева
А. Морозова
И. Прокуденкова
Л. Сабуров
С. Солдатов
О. Стрельцова

Верстка: А. Гришин
Корректурa: И. Бортникова
Фото: О. Стрельцова
Учредитель:
Центральный музей
Вооруженных Сил
Российской Федерации

1-я страница обложки:
П.А. Кривоногов. «Защитники
Брестской крепости» –
из коллекции ЦМВС РФ

*Редакция рукописи
не рецензирует
и не возвращает.
Ответственность
за достоверность изложенных
фактов и правильность цитат
несут авторы статей.
При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал обязательна*

Адрес редакции:
129110, г. Москва,
ул. Советской Армии, д. 2, стр. 1
Центральный музей
Вооруженных Сил
Российской Федерации
www.cmaf.ru
e-mail: cmvs@mail.ru
тел. : +7(495) 681-18-80;
+7(495) 681-63-03
(экскурсионное бюро)

Подписано в печать 29.07.2021 г.
Отпечатано
в Издательском доме «Граница»
Тираж 300 экз.
Заказ № 1437

Л.Д. САБУРОВ (ЦМВС РФ)

Брусиловский прорыв 1916 г. 2

В.А. АФАНАСЬЕВ (ЦМВС РФ)

Полководец «холодной войны» маршал С.С. Бирюзов 12

К.А. МЕДВЕДЕВ (ЦМВС РФ)

Сестры милосердия и Крымская война 22

Ю.И. ОЛЬХОВИК, Н.В. ОЛЬХОВИК

Награды по службе в Российской империи 27

Ю.Г. КОЗЛОВ (ЦМВВС – ФИЛИАЛ ЦМВС РФ)

105 лет со дня первого ночного боевого вылета
бомбардировщика И.И. Сикорского «Илья Муромец»,
экипаж Г.И. Лаврова..... 33

С.Е. ПЛОТНИКОВ, А.Г. КРАПИВНОЙ (ЦМВС РФ)

Тайна винтовки Кольта 42

М.Я. ТАРАСОВ

Военно-политические итоги
и международное значение битвы за Ленинград 46

С.А. МИЛОВИДОВ (ЦМВС РФ)

Люфтваффе под прицелом немецких зениток
в битве за Москву 56

Д.П. НИКИФОРОВ (ЦМВС РФ)

Деятельность Главного управления
по делам военнопленных и интернированных
НКВД СССР в послевоенный период 1945–1956 гг. 62

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ 1916 г.

В марте 1916 г. на конференции держав Антанты были согласованы действия союзных войск в предстоящей летней кампании. Наступление всех сил Антанты планировалось на первую половину лета 1916 г. Англичане, французы и бельгийцы должны были начать широкомасштабное наступление на Западном фронте, итальянцы – на итальянском, на Салоникском фронте – объединенные силы Антанты.

В соответствии с этим русское командование наметило начать в середине июня 1916 г. крупное наступление на всех фронтах. Главный удар должны были нанести войска Западного фронта из района Молодечно на Вильно, вспомогательные удары: Северный фронт – из района Двинска, а Юго-Западный фронт – из района Ровно на Луцк.

Как известно, 1915 год стал самым трудным для Русской армии. Союзники бросили Российскую империю на растерзание противника. В результате отступления Русской армии страна потеряла часть Литвы, частично Белоруссию, Привислинский край, часть Западной Украины, пришлось оставить Галицию. Огромное количество солдатских жизней и боевой техники было потеряно к 1916 г. В живой силе потери составили 4 млн 360 тыс. человек, из них 1 млн 740 тыс. пленными. Из этих потерь 2 млн 386 тыс. (54%) было потеряно в ходе Великого отступления с мая по ноябрь 1915 г. [1. С. 143]. Кроме того, трагедия Русской армии заключалась и в том, что основные потери пришлось на кадровую армию, в том числе на офицеров.

Нехватка ощущалась и в вооружении, и в оснащении армии. Безусловно, российская военная промышленность наращивала свои потенциалы и мощности, помогали с вооружением и союзники, но этого для ведения активных боевых действий для войны с технически оснащенной Германией явно было недостаточно. Тем не менее, к началу 1916 г. противник также был измотан, немцы и австрийцы несли немалые потери на русском фронте.

Следует отметить, что русское командование не смогло подготовить план наступления на 1916 г. в связи с проблемами, которые были обозначены выше. Сначала необходимо было укрепить армию, а затем уже планировать наступление. Зимой 1916 г. численность Русской армии увеличилась

до 6,2 млн человек, а к 1 апреля 1916 г. до 6,3 млн и к 1 июля 1916 г. составила 6,8 млн [2. С. 94–96].

Уже в марте под давлением союзников, которые решили оттянуть немцев от Вердена на Восточный фронт, Российская империя вынуждена была провести неудачное наступление в районе озера Нарочь. Русские войска пытались прорвать германскую оборону, но из-за технического превосходства противника потерпели поражение. Немцам удалось отстоять свои оборонительные рубежи в этом районе. Однако главная цель – спасение французов – была достигнута, германцы временно ослабили натиск на Западном фронте и перебросили на восток четыре дивизии.

Отметим, что первоначально начальник штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексеев имел иной план, нежели тот, который был представлен императору. Генерал планировал главную группировку войск сосредоточить на Юго-Западном фронте и нанести сокрушительный удар на Галицию, Карпаты от рубежа Ровно–Проскуров [3. С. 312]. Одновременно с русским наступлением, как считал М.В. Алексеев, союзникам следовало наступать через Сербию и Македонию от Салоник. Армии Антанты должны были встретиться в Будапеште. В тылу фронта генерала А.А. Брусилова начальник штаба Верховного Главнокомандующего планировал сосредоточить несколько кавалерийских корпусов. Прорвав фронт неприятеля, конница должна была хлынуть на Галицийские просторы, так пригодные для действия кавалерии. Из первоначального плана следует, что М.В. Алексеев первоочередной задачей считал вывод Австро-Венгрии из войны.

Этот план в полной мере соответствовал национальным интересам России, но не был на руку ее союзникам по Антанте. Союзники считали, что Российская империя должна была жертвовать своей армией ради достижения общекоалиционных целей, при этом сами союзники ставили свои национальные интересы выше общекоалиционных, что подтверждают события первых двух лет войны. Именно поэтому союзники сразу же отменили планы генерала М.В. Алексеева и потребовали от русского командования нанесения главного удара по позициям немецких войск, чтобы ослабить натиск гер-

Фото 1. Главнокомандующий армиями
Юго-Западного фронта генерал от кавалерии
А.А. Брусилов

манцев на французов. К тому же усиление влияния России на Балканах не входило в планы ни англичан, ни французов. Им нужна была не только слабая Германия, но и слабая Россия.

Даже «против сердца, как отмечала дочь Алексева, но начальнику штаба Верховного Главнокомандующего пришлось разрабатывать новый план – наступления на Берлин» [4. С. 36]. 24 марта (6 апреля) 1916 г. М.В. Алексеев в докладной записке на имя императора Николая II отмечал, что «к решительному наступлению без особых перемещений мы способны только на театре севернее Полесья, где нами достигнут двойной перевес в силе» [5. С. 37]. Таким образом, главным преимуществом Русской армии по-прежнему оставался перевес в живой силе, в техническом же плане она отставала от Германии.

По замыслу М.В. Алексеева ударные группировки Северного и Западного фронтов общей численностью 695 тыс. человек, расположенные севернее Полесья, должны были нанести комбинированный удар от Двинска и Молодечно на Вильно. Начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего полагал, что тем самым они разделят фронт противника на две части. Юго-Западному фронту генерал М.В. Алексеев отводил вспомогательную роль, его силы должны были сковать германо-австрийские войска, не допустив переброски резервов противника вдоль фронта. Наступление планировалось на

начало мая с целью упреждения удара противника. Однако союзники могли начать наступление не раньше конца июня, в этой связи генерал М.В. Алексеев отметил, что начинать наступление без поддержки союзников нецелесообразно, поскольку в таком случае немцы могли вновь перебросить свои резервы с запада на восток [6. С. 627]. При подготовке наступления армейское командование с целью дезинформации противника по наиболее близким к фронту железнодорожным путям организовало переброску войск и техники на Юго-Западный фронт, создав у неприятеля впечатление, что планируется наступление на Балканах.

Окончательные цели, задачи и действия русских армий были определены на совещании Ставки Верховного Главнокомандующего 1 (14) апреля 1916 г. На совещании присутствовал Верховный Главнокомандующий император Николай II. Он лишь формально выполнял функции председателя совещания, утверждая решения, принятые другими участниками. Итогом совещания стала директива № 2017 Верховного Главнокомандующего о предложениях главнокомандования относительно предстоящего наступления от 11 (24) апреля 1916 г. Согласно ей главный удар должен был наноситься армиями Западного фронта, а Северный и Юго-Западный фронты оказывать ему содействие. Этот документ впервые предусматривал наступление всех фронтов Русской армии от Балтики до Карпат [7. С. 148].

Утвердив план наступления в Ставке Верховного Главнокомандующего, высшие чины Русской армии приступили к его подготовке. На Юго-Западном фронте генерал А.А. Брусилов столкнулся с неуверенностью командующих армиями в успехе предстоящего наступления. В итоге генералу пришлось силой аргументов и приказа мобилизовать своих подчиненных на выполнение директив Ставки от 1 (14) апреля 1916 г.

При подготовке операции генерал А.А. Брусилов решил наметить для прорыва ударный участок каждой армии, входившей в состав Юго-Западного фронта, а также участки прорыва в нескольких корпусах одной армии. Исходя из этого, безусловно, силы Русской армии распялись, но, с другой стороны, этот маневр позволял рассредоточить силы неприятеля. Таким образом, план давал преимущество русским армиям благодаря их численному превосходству. Тем не менее, минусом в планировании наступления было отсутствие взаимодействия ударных групп, вопрос об этом даже не ставился. Каждая армия фронта должна была действовать

самостоятельно, что, в принципе, соответствовало задачам, выдвинутым Ставкой перед фронтом.

Главный удар Юго-Западного фронта должна была нанести 8-я армия на Луцк и далее на Ковель. Чтобы враг не смог маневрировать резервами, А.А. Брусилов предусмотрел наступление на всей 450-километровой полосе фронта. Вспомогательные удары нацеливались 11-й армией – на Броды, 7-й – на Галич, 9-й – на Черновицы и Коломыю. А.А. Брусилов исходил из того, что полностью скрыть подготовку к наступлению невозможно, но прилагал все усилия, чтобы запутать противника, не позволяя ему определить, какой удар будет главным. Кстати, само по себе одновременное наступление в нескольких пунктах не было каким-то новшеством, такую тактику уже применяли и французы, и немцы, да и М.В. Алексеев готовил одновременные удары на трех фронтах. Но А.А. Брусилов, используя этот опыт, углубил его и усовершенствовал. Корпусам, не вошедшим в армейские ударные группировки, приказывалось готовить свои участки прорыва. Таким образом, подготовка велась на 13 армейских и корпусных участках. Оборудовалось и 20 ложных участков прорыва [8. С. 329].

Находясь на занимаемом рубеже более 9 месяцев, противник подготовил сильную оборону глубиной 7–9 км. Учитывалось русским командованием и то обстоятельство, что рубежи неприятеля состояли из трех полос обороны, каждая из которых была укрепленной позицией. Первая укрепленная полоса обычно состояла из 3 линий окопов, перед которыми имелось до 16 рядов колючей проволоки [9. С. 540]. Такие полосы неприятель оснастил пулеметными точками, скрытыми батареями, минометными позициями. На укрепленных рубежах неприятельской обороны была налажена развитая система ходов сообщения. В этой связи штаб Юго-Западного фронта проводил колоссальную работу по обучению личного состава и фортификационному строительству. А.А. Брусилов считал, что атаки должны проводиться по тщательно продуманному плану, который должен быть составлен не по карте, а непосредственно на местности.

А.А. Брусилов учитывал и превосходство противника в артиллерии. В этой связи он решил максимально использовать ту артиллерию, которая имела в его распоряжении, делая ставку на качество стрельбы и точную предварительную пристрелку. Первоочередной задачей русской артиллерии было уничтожение проволочных заграждений противника. В последующем русские орудия должны были уничтожить вражеские укреп-

ленные точки на первых двух линиях обороны, поражая в первую очередь пулеметные гнезда. И лишь после начала общей атаки артиллерия переносила огонь в глубь расположения неприятеля, по его резервам и третьей линии укрепленной полосы.

Замысел штаба Юго-Западного фронта строился на теснейшем взаимодействии родов войск, непосредственном участии в подготовке и проведении операции командиров всех уровней, одновременном ударе всеми армиями фронта, использовании опыта военных действий на различных фронтах Первой мировой войны.

Использовал А.А. Брусилов при подготовке наступления и опыт союзников. Французской армией для выдвижения войск на исходные позиции перед началом наступления использовались наступательные плацдармы. Их строительство предполагало максимальное сближение исходной линии атаки с окопами врага. Это было важно в той связи, что таким образом снижались потери от пулеметов и артиллерии противника при атаке на ровной местности. Русским командованием был учтен опыт неудачного наступления в марте 1916 г. у озера Нарочь. Уже спустя месяц, в апреле 1916 г., ставка составила «Записку по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 года и Северном и Западном фронтах в марте 1916 года». В этой записке, в частности, указывалось, что «успешному выполнению атаки должно предшествовать сближение с противником примерно на сто саженей окопами и устройство исходного положения в виде укрепленных плацдармов по определенно выработанному плану» [10. С. 61].

Директива Ставки предполагала, что наступление армий Юго-Западного фронта должно было начаться за несколько дней до наступления Северного и Западного фронтов. Это было сделано, чтобы противник успел перебросить южнее Полься хотя бы часть своих резервов, располагавшихся в железнодорожных узлах. Предварительно сроки начала наступления намечались на первую половину июня, но неожиданно положение дел изменилось.

Дело в том, что 11 (24) мая А.А. Брусилов получил телеграмму начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в которой тот сообщал, что итальянские войска потерпели настолько сильное поражение, что итальянское высшее командование не надеется удержать противника на своем фронте и настоятельно просит нашего перехода в наступление, чтобы оттянуть часть сил с итальянского фронта к нашему. «Поэтому, по приказанию

Государя Императора он меня спрашивал, – вспоминал впоследствии Брусилов, – могу ли я перейти в наступление и когда». Алексей Алексеевич немедленно ответил, что армии вверенного ему фронта готовы и они могут перейти в наступление неделю спустя после извещения, но при одном условии, на котором особенно настаивал, чтобы и Западный фронт одновременно двинулся вперед, дабы сковать войска, против него расположенные.

После ряда телефонных переговоров, в ходе которых командующий Юго-Западным фронтом настаивал на одновременной атаке Юго-Западного и Западного фронтов, М.В. Алексеев назначил наступление армий генерала А.А. Брусилова на 22 мая (4 июня) 1916 г. Западный фронт генерала А.Е. Эверта должен был начать наступление 28 либо 29 мая (10 либо 11 июня), а Северный фронт обязывался провести демонстративные действия в Рижском районе и нанести вспомогательный удар по отношению к Западному фронту. 18 (31) мая М.В. Алексеев издал директиву № 2703 о переходе в наступление.

В этот день русский военный агент полковник О.К. Энкель сообщил в Ставку Верховного Главнокомандующего, что итальянцы совсем растерялись и готовят тылы и тяжелую артиллерию к эвакуации. Немалую роль играла и закулисная военно-политическая игра в кругах итальянских союзников Российской империи. Согласно телеграммы О.К. Энкеля итальянцы хотели переложить всю ответственность за исход борьбы в Италии на Россию.

Таким образом, из-за поражений и паники итальянцев за месяц до начала большого наступления существенно изменились планы Русской армии на 1916 г. Именно Россия должна была спасти гибнущую Италию во имя выполнения общесоюзнических обязательств. Англо-французские союзники мотивировали свои обращения к России тем, что, во-первых, на западном (французском) фронте австро-венгерских войск не было, а, во-вторых, что ни Франция, ни Англия, как всегда, не были готовы к наступательным действиям.

Заметим, что австрийцы для нанесения удара против Италии значительно ослабили русский фронт, полагая, что после поражений 1915 г. Россия еще не скоро оправится. К началу наступления армий русского Юго-Западного фронта австрийцы имели в Италии 35 дивизий, в России 39. Это означало, что на русском фронте австро-венгры не оставили резервов, рассчитывая на несокрушимость своей обороны. Немцы подошли к вопросу стратегической обороны на русском фронте гораздо лучше своих союзников. Начальник немецкого

полевого генерального штаба генерал Э. Фалькенгайн указал начальнику генштаба Австро-Венгрии генералу Ф. Конраду фон Гётцендорфу на недопустимость оголения восточного фронта ради наступления в Италии. Но австрийцы так и не обратили внимания на предостережения немцев, к тому же не получив от них девять дивизий с восточного фронта.

По просьбе итальянцев англичане и французы начали осуществлять давление на русских. Безусловно, ни французы, ни англичане и не думали о том, чтобы самим оказать помощь союзникам. Генерал М.В. Алексеев считал, что немедленная атака, которую требовали провести союзники, не приведет к успеху. Но король Италии Виктор-Эммануил III обратился с личной просьбой к императору Николаю II, а тот не смог отказать.

21 мая (3 июня) вечером генерал Алексеев опять пригласил А.А. Брусилова к прямому проводу. Он передал ему, что несколько сомневается в успехе его активных действий вследствие выбора необычного способа, то есть атаки противника одновременно во многих местах вместо одного удара всеми собранными силами и всей артиллерией, которая распределена по армиям, и что не лучше ли будет отложить атаку на несколько дней для того, чтобы устроить лишь один ударный участок, как это уже выработано практикой настоящей войны. Подобное изменение плана действий желает сам Царь, и от его имени он и предлагает это видоизменение.

На это А.А. Брусилов ему возразил, что изменять свой план атаки наотрез отказывается, и в таком случае просит его сменить. Откладывать вторично день и час наступления не находит возможным, ибо все войска стоят в исходном положении для атаки, и пока его распоряжения об отмене дойдут до фронта, артиллерийская подготовка начнется. «Войска, при частых отменах приказаний, неизбежно теряют доверие к своим вождям, – заметил Алексей Алексеевич, – а потому настоятельно прошу меня сменить». Алексеев ответил, что Верховный уже лег спать и будить его ему неудобно, и он просит его подумать. А.А. Брусилов резко ответил: «Сон Верховного до меня не касается и больше думать не о чем. Прошу сейчас ответа». На это генерал Алексеев сказал: «Ну, бог с Вами, делайте как знаете, а я о нашем разговоре доложу Государю Императору завтра». На этом разговор закончился [11. С. 165].

Брусилов хорошо знал, что в случае его уступчивости и устройства одного удара он, несомненно, окончится неудачей, так как противник непременно его обнаружит и сосредоточит сильные

резервы для контрудара, как во всех предыдущих случаях.

Проанализировав ситуацию, он попросил у Ставки усиления фронта, прежде всего 11-й армии, настаивая на переброске корпуса в район Проскурова. Однако ему было отказано.

В распоряжении главнокомандующего армией Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова находились 4 армии – 7-я генерала Д.Г. Щербачева, 8-я генерала А.М. Каледина, 9-я генерала П.А. Лечицкого, 11-я генерала В.В. Сахарова. «В войсках фронта насчитывалось 573 тыс. пехоты, 60 тыс. кавалерии, 1770 легких и 168 тяжелых орудий» [12. С. 526].

В полосе Юго-Западного фронта по рубежу Островск, западнее Рафаловки, Дубно, западнее Кременца, западнее Тернополя, река Днестр (в районе Латач), река Прут (в районе Боян) оборонялись австро-венгерские 4-я, 1-я, 2-я, 7-я армии и германская Южная армия. Группировка противника насчитывала 448 тыс. пехоты и 27 тыс. кавалерии, 1300 легких и 545 тяжелых орудий.

Не обладая над противником существенным превосходством в силах и средствах (по живой силе в 1,3, артиллерии в 1,1 раза), А.А. Брусилов решил достигнуть успеха за счет тщательной подготовки операции, решительного массирования сил и средств на участках прорыва и внезапности перехода в наступление.

Лишь за несколько дней до начала наступления незаметно ночью введены в боевую линию войска, предназначенные для первоначальной атаки, и поставлена артиллерия, хорошо замаскированная, на избранные позиции, с которых она и произвела тщательную пристрелку по намеченным целям. Было обращено большое внимание на тесную и непрерывную связь пехоты с артиллерией.

Наступление началось 22 мая (4 июня), на две недели раньше срока. Около 3 часов утра по всему Юго-Западному фронту началась мощная артиллерийская подготовка, которая стала предтечей решительного наступления русских войск.

Решающую роль в наступлении Юго-Западного фронта отводилась 8-й армии генерала М.А. Каледина. В 8-ю армию была передана треть пехоты фронта (13 дивизий), а также половина тяжелой артиллерии (19 батарей). За три дня наступления ее войска взломали оборону врага на фронте до 80 км и продвинулись на глубину 25–35 км. 25 мая они овладели Луцком.

Оборонявшаяся на этом участке фронта австро-венгерская 4-я армия (эрцгерцог Иосиф Фердинанд) к началу июня была полностью раз-

громлена, а ее остатки в беспорядке отступили на запад.

Командующий 8-й армией генерал-лейтенант А.М. Каледин докладывал в телеграмме начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанту М.В. Алексееву об отступлении противника на левый берег р. Стири, взятии Луцка, количестве пленных и трофеев и продолжении преследования противника: «Луцк взят, противник ... поспешно отступает ... нами взято в плен много тысяч и богатая добыча» [13. С. 112].

На долю 11-й армии (командующий – генерал от кавалерии В.В. Сахаров) выпала самая сложная задача. «На участке фронта 11-й армии планировалось использование в наибольшей степени химических снарядов, которые бы нейтрализовали неприятельскую артиллерию» [14. С. 68]. 22 мая (4 июня) войска 11-й армии перешли в наступление. Изначально из-за неравенства в силах успешным наступление этой армии назвать было нельзя. Атака 6-го и 7-го армейских корпусов была отбита австро-немецкими войсками. Характерно, что на этом участке фронта генерал В.В. Сахаров пытался применить боевую технику, а именно, дивизионы русских и бельгийских автомобилей. Однако 24 мая (6 июня) ситуация изменилась. В этот день 17-й армейский корпус, который действовал на правом фланге 11-й армии, прорвал оборону противника в районе Соколова, Сопанова, положив тем самым начало наступлению. Следом за 17-м корпусом вперед выдвинулся и 18-й корпус. В боях у Сопанова и Бродов, которые длились неделю, солдаты 17-го корпуса пленили порядка 12 тыс. австрийцев. Блестящий успех частей 17-го корпуса был обусловлен отлаженными действиями пехоты и артиллерии, их тесным взаимодействием. Тем не менее 11-я армия не смогла закрепить успех и использовать его в стратегических целях, так как не получила резервов.

Войска 7-й армии (генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев) прорвали оборону германской Южной армии (генерал Ф. Ботмер), разгромили ее основные силы, отбросили их остатки за реку Стрыпа и 27 мая овладели г. Бучач.

9-я армия (генерал от инфантерии П.А. Лечицкий) после успешного прорыва обороны противника подверглась сильным контратакам австро-венгерской 7-й армии (генерал К. Пфланцер-Балтин). В ходе упорных боев 25–28 мая все атаки противника были отражены, и он отброшен за реку Прут. Продолжая развивать успех, войска 9-й армии 5 июня овладели г. Черновцы (Черновицы) и на следующий день вышли на реку Сирет.

Крупный успех Юго-Западного фронта оказался полной неожиданностью не только для противника, но и для русской Ставки, которая даже не предполагала, что ему удастся прорвать оборону противника.

Для развития успеха А.А. Брусилову нужны были сильные резервы. Успешные действия Юго-Западного фронта должны были поддержать войска Западного фронта. Но командующий Западным фронтом генерал Эверт, ссылаясь на незавершенность сосредоточения, просил Николая II перенести наступление.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант А.А. Брусилов доложил начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанту М.В. Алексееву о недостатке сил и средств для наступления и об отсутствии поддержки со стороны Западного фронта: «Отказ Главкозапа атаковать противника 4 июня ставит вверенный мне фронт в чрезвычайно опасное положение, и, может статься, выигранное сражение окажется проигранным... Я уже получил два анонимных письма с предостережением, что ген. адъют. Эверт якобы немец и что нас бросят для проигрыша войны» [15. С. 194 об.-195].

Тем временем германское и австро-венгерское командование перегруппировало в полосу Юго-Западного фронта из Франции, Италии и с других участков Восточного фронта 34 дивизии. Основная часть этих соединений была сосредоточена в районах Ковеля и Станислава (Ивано-Франковск), где на их базе созданы армейская группа генерала Линзингена и австро-венгерская 3-я армия. Это облегчило положение французов под Верденом и итальянцев в Трентино. Английский историк Л. Гарт писал: «Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники за это являются неоплатыми должниками России».

Уже в конце мая ударная группировка 8-й армии встретила в районах южнее и юго-восточнее Ковеля сильное сопротивление прибывших на этот участок фронта германских войск, в результате чего ее наступление резко замедлилось, несмотря на ввод в сражение 5-го Сибирского армейского корпуса и вновь прибывшего 23-го армейского корпуса.

3 июня противник нанес контрудар с целью ликвидировать прорыв в районе Луцка и отбросить русские войска в исходное положение. Более 2 недель войска правого крыла Юго-Западного фронта вели тяжелые бои с ударной группировкой врага (корпуса генералов Ф. Бернгарди, Г. Марвица, Е. Фалькенгайна, В. Фата), отразив все ее атаки.

11 июня в состав Юго-Западного фронта была передана 3-я армия (генерал от инфантерии Л.В. Леш) Западного фронта. 16–21 июня 11-я армия также отражала контрудар противника.

20 июня Западный фронт, наконец, перешел в наступление, которое 26 июня закончилось прорывом.

21 июня Юго-Западный фронт возобновил наступление. Главный удар на Ковель – крупный железнодорожный узел – с юга наносила 8-я армия, с востока на него наступала 3-я армия. К этому времени 8-я армия получила значительные подкрепления и стала самой мощной (8 корпусов, в том числе 1 кавалерийский) из всех армий на русско-германском фронте.

«Одна из причин, вспоминал А.А. Брусилов, не давших возможности овладеть Ковелем, помимо сильных подкреплений, подвезенных немцами, заключалась в том, что у них было громадное количество аэропланов, которые летали эскадрильями в 20 и более аппаратов и совершенно не давали возможности русским аэропланам ни производить разведок, ни корректировать стрельбу тяжелой артиллерии, а о поднятии привязных шаров для наблюдения и думать нельзя было. Между тем, наш воздушный флот был столь слаб, что почти не имел возможности подниматься» [16. С. 174].

Перед 11-й армией ставилась задача наступать на Броды; 7-й армией – овладеть рубежом Бережаны, Станислав; 9-й армией – завершить освобождение Буковины. Во фронтовом резерве находились 5-й армейский корпус и 78-я пехотная дивизия. В результате многодневных ожесточенных боев войска 8-й и 3-й армий сломили упорное сопротивление противника и к 1 июля отбросили его за реку Стоход. Однако преодолеть этот водный рубеж с ходу им не удалось. Бои на нем приняли затяжной характер.

Когда, наконец, в Ставке поняли, что успех кампании решается на Юго-Западном фронте и перебросили туда резервы, время уже было упущено. Этот промах русского командования моментально использовали немцы. Противник сосредоточил против Юго-Западного фронта мощную группировку и тем самым предотвратил полный разгром русскими войсками австро-венгерской армии.

В начале июля из вновь прибывших в состав Юго-Западного фронта войск была создана армейская группа (генерал от кавалерии В.М. Безобразов), в которую вошла и императорская гвардия – стратегический резерв Ставки ВГК. Эта армейская группа была введена в сражение на стыке 8-й и 3-й армий, получив задачу наступать на Ковель с юга.

8-я армия перенацеливалась на Владимир-Волынский направление. Наступление Юго-Западного фронта возобновилось 15 июля. Однако в ходе его войска правого крыла фронта добились лишь частичных успехов. В кровопролитных боях, развернувшихся на реке Стоход, сломить ожесточенное сопротивление противника им не удалось. 15 августа армейская группа генерала В.М. Безобразова преобразована в Особую армию (генерал от кавалерии В.И. Гурко).

Более успешно действовали армии, наступавшие в центре и на левом крыле фронта. 11-я армия 16 июля овладела г. Броды, а 7-я армия в конце июля – городами Галич и Станислав. 9-я армия очистила от противника Буковину. К середине августа наступательные возможности Юго-Западного фронта иссякли, и 22 августа он прекратил наступление, перейдя к обороне на достигнутых рубежах.

Боевые действия приняли затяжной характер, а к середине сентября фронт окончательно стабилизировался.

Наступательная операция войск Юго-Западного фронта завершилась. Она продолжалась более ста дней. Несмотря на то, что первоначальный успех не был использован Ставкой для достижения решающего результата на всем фронте, операция имела крупное стратегическое значение. Вместе с битвой на Сомме она положила начало перелому в ходе Первой мировой войны. Начавшись как обычная фронтовая операция с ограниченными целями, она постепенно приобрела стратегический характер. Наступление велось в полосе до 620 км, на глубину 80–120 км.

Непосредственным результатом боевых действий Юго-Западного фронта стали отказ Румынии от нейтралитета и присоединение ее к Антанте. Румыния решила вступить в войну, выторговав для себя гарантии союзников на обретение в случае победы не только этнических румынских территорий, но и земель, населенных украинцами, венграми (по р. Тисса) и сербами (Западный Банат).

Экономика Германии не могла обеспечить растущие потребности войны: страна испытывала острый недостаток в людских и материальных ресурсах. Страны Антанты, обладая к этому времени военным превосходством и перехватив стратегическую инициативу, отвергли попытки держав Центрального блока добиться выгодного для них мира.

Австро-венгерская армия в Галиции и Буковине потерпела полное поражение. Что же касается австро-венгерских потерь, то самые большие цифры были названы А.А. Брусиловым в своих

воспоминаниях: «Свыше 450 тыс. пленных и свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными за период с 29 мая (2 июня) по 1 (14 ноября). Потери русских войск составили около 500 тыс. человек» [17. С. 178]. Для пополнения этих потерь, по докладу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, пришлось дополнительно призвать миллион ополченцев, что не позволило в 1916 г. полностью и своевременно собрать урожай [18. С. 180].

В то же время венгерские исследователи, не приводя, правда, временных рамок Брусиловского прорыва, называют потери русских войск в более чем 800 тыс. человек при потерях австро-венгров (без немцев) приблизительно в 600 тыс. [19. С. 234].

Однако, какими бы ни были потери Русской армии, совершенно очевидно, что без активных действий России Италия вышла бы из войны, Румыния никогда не вступила бы в войну на стороне Антанты, а французы вполне могли потерпеть поражение под Верденом. Британский военный представитель при русской Ставке А. Нокс справедливо указывал, что «Брусиловский прорыв стал самым выдающимся военным событием года. Он превосходил другие операции союзников и по масштабу захваченной территории, и по количеству уничтоженных и взятых в плен солдат противника, и по числу вовлеченных вражеских частей» [20. С. 213].

Россия в очередной раз выступила спасителем всего мира. Вот только мир не спешил спасать Россию, когда ей это требовалось. Ошибка политического руководства страны и его советников в Ставке заключалась в том, что за интересами союзников они не разглядели собственных национальных интересов и в результате утратили не только победу в войне, но и власть в России.

Наступление армий Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. стало первой успешной фронтовой операцией коалиции стран Антанты. Более того, это был первый прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Примененные командованием русского Юго-Западного фронта новшества в смысле организации прорыва неприятельского укрепленного фронта явились первой сравнительно успешной попыткой преодоления «позиционного тупика», ставшего одной из приоритетных характеристик боевых действий периода Первой мировой войны [21. С. 76].

Важнейшую роль в этом сыграла тщательная подготовка наступательной операции. Вся система обороны противника была заблаговременно

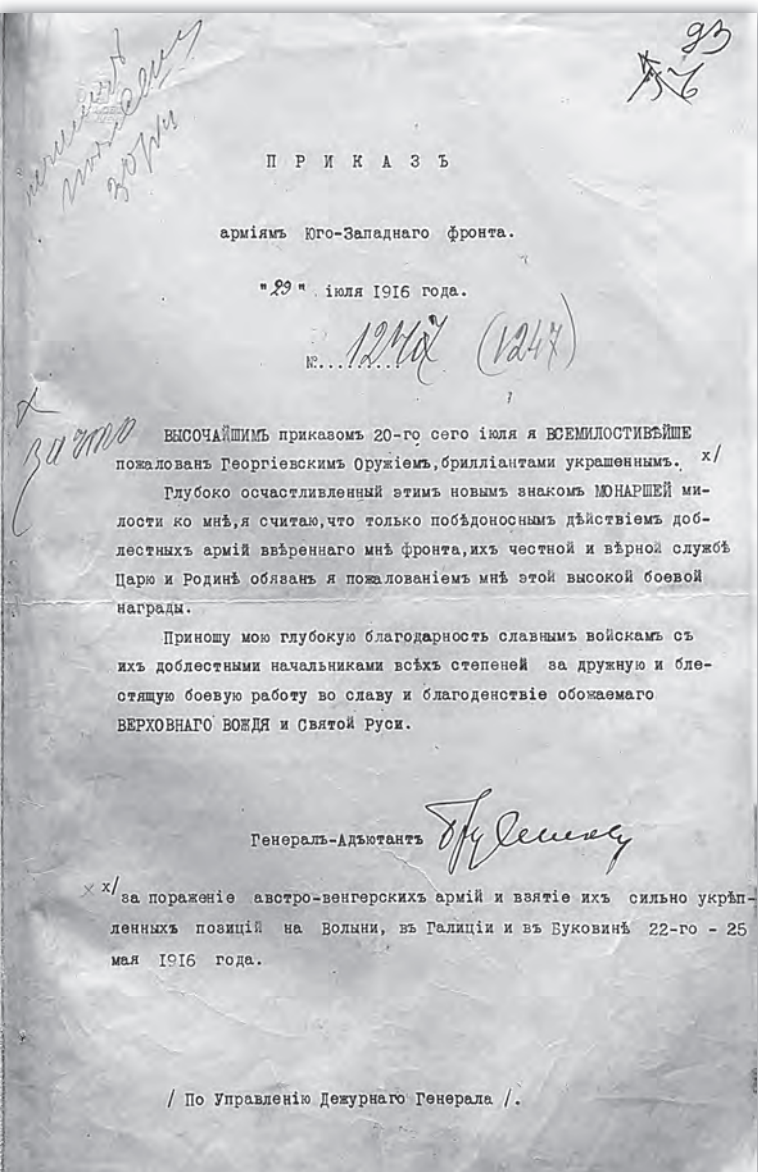

Фото 2. Приказ армиям Юго-Западного фронта от 29 июля 1916 г. № 1247

вскрыта аэрофотосъемкой, дополненной данными других видов разведки. На этой основе составлены крупномасштабные планы, доведенные до командиров рот, батарей. Большая работа проделана по инженерному оборудованию исходных рубежей для наступления.

Большое внимание уделялось отработке четкого взаимодействия между пехотой и артиллерией во время прорыва обороны противника. Особое значение придавалось тому, чтобы не допустить разрыва между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки пехоты. Дальнейшее развитие в использовании артиллерии проявилось в создании артиллерийских групп по целевому назначению (для подавления живой силы противника, ведения контрбатарейной стрельбы, продления проходов в проволочных заграждениях),

жесткой централизации управления огнем артиллерии и переподчинении в ходе прорыва части легких артиллерийских батарей командиров пехотных полков первого эшелона. Эффективность артиллерийской подготовки во многом объяснялась ведением артиллерийского огня не по площадям, как было принято, а по конкретным целям. Для поддержки атаки пехоты русские артиллеристы впервые разработали новый метод – огневой вал. Однако из-за ограниченного количества боеприпасов от него пришлось отказаться [22. С. 499–500].

Была разработана и успешно реализована система мероприятий по достижению внезапности. Большую роль в успешном выполнении сыграло решительное массирование сил и средств на участках прорыва. Характерной особенностью наступления является наличие в ходе его двух

Фото 3. Башлык, сумка полевая, планшет, накидка начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанта М.В. Алексева

Фото 4. Наградное Георгиевское оружие – шашка офицерская казачья образца 1904 г. генерал-лейтенанта А.И. Деникина

оперативных пауз продолжительностью по 10–15 дней. Значение наступления Юго-Западного фронта, с точки зрения военного искусства, состоит, прежде всего, в том, что Русская армия, имевшая почти равное с противником соотношение сил, впервые успешно решила основную проблему военного искусства периода Первой мировой войны – прорыв позиционной обороны противника и развитие тактического успеха в оперативный. Западные союзники решили эту проблему только на завершающем этапе войны – осенью 1918 г.

За успешное проведение Луцкой наступательной операции командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов большинством голосов Георгиевской Думы при Ставке Верховного Главнокомандующего был представлен к награждению орденом Святого Георгия 2-й степени. Однако Император Николай II не утвердил представление, и А.А. Брусилов был награжден Георгиевским оружием с бриллиантами.

В своем приказе армиям Юго-Западного фронта от 29 июля 1916 г. № 1247 (цифровая копия кото-

рого экспонируется в зале №3 «Русская армия, ее союзники и противники в Первой мировой войне 1914–1918 гг.») генерал-адъютант А.А. Брусилов отмечает: «Приношу мою глубокую благодарность славным войскам с их доблестными начальниками всех степеней за дружную и блестящую боевую работу во славу и благоденствие обожаемого Верховного вождя и Святой Руси» [23. Л. 93].

В экспозиции музея широко представлены личные вещи участников событий. Среди них: башлык, сумка полевая, планшет, накидка генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексева, крупнейшего русского военачальника периода Первой мировой войны, «общепризнанного крупнейшего военного авторитета» страны.

Среди экспонатов можно отметить наградное Георгиевское оружие – шашка офицерская каза-

Фото 5. Погоны и кокарда командующего VII армейским корпусом генерала от инфантерии Э.В. Экка.

Папка для бумаг и погоны, кокарда командующего XXII армейским корпусом генерала от инфантерии фон дер А.Ф. Бринкена

чья образца 1904 г. генерал-лейтенанта Деникина Антона Ивановича, которую его дочь Марина Деникина передала президенту Владимиру Владимировичу Путину в 2005 г.

Дивизия А.И. Деникина прорвала 6 линий неприятельских позиций, а 23 мая 1916 г. повторно взяла город Луцк [24. С. 542], за что А.И. Деникину было вторично пожаловано Георгиевское оружие, усыпанное бриллиантами, с надписью: «За двукратное освобождение Луцка».

Еще интересными экспонатами зала являются погоны и кокарда командующего VII армейским корпусом генерала от инфантерии Э.В. Экка; папка для бумаг, погоны и кокарда командующего XXII армейским корпусом генерала от инфантерии фон дер А.Ф. Бринкена. Эти корпуса также отличились в Луцком прорыве.

Изучение всех аспектов истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. составляет важную научную задачу, позволяет в рамках процесса качественных изменений в развитии исторической науки России уточнить наши представления о взаимосвязи политического, военного, экономического, социального и международного положения государства.

Л.Д. Сабуров,

главный научный сотрудник ЦМВС РФ,
доктор исторических наук

Список использованной литературы

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Олма-Пресс, 2004. С. 164–180.
2. Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. – М.: Воениздат, 1940. 184 с.
3. Оськин М.В. Брусиловский прорыв. – М.: Эксмо, 2010. 416 с.
4. Первая мировая война 1914–1918 гг. в 6 т. Т. 3. – М.: Кучково поле, 2015. С. 54–77.
5. Уткин Б.П. Брусиловский прорыв // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. С. 627–632.
6. Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2002. С. 538–563.
7. Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: Воениздат, 1964. С. 173–180.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 268–270; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 99. Л. 120–121; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 42. Л. 93.
9. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. С. 143.
10. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. С. 94–96.
11. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. – М.: Инэс, Рубин. 2014. С. 312.
12. Оськин М.В. Брусиловский прорыв. – М.: Эксмо, 2010. С. 36.
13. Там же. С. 37.
14. Уткин Б.П. Брусиловский прорыв // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. С. 627.
15. Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. – М.: Воениздат, 1940. С. 148.
16. Шамбаров В. За Веру, Царя и Отечество. – М.: Алгоритм, 2003. С. 329.
17. Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2002. С. 540.
18. Первая мировая война 1914–1918 гг. в 6 т. Т. 3. – М., 2015. С. 61.
19. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Олма-Пресс, 2004. С. 165.
20. Военная энциклопедия в 8 т. Т. 8. – М.: Воениздат, 2004. С. 526.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 99. Л. 112.
22. Первая мировая война 1914–1918 гг. в 6 т. Т. 3. – М.: Кучково поле, 2015. С. 68.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 194 об.-195.
24. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Эксмо, 2004. С. 174.
25. Там же. С. 178.
26. Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: Воениздат, 1964. С. 180.
27. Последняя война Российской империи. – М.: Наука, 2006. С. 234.
28. Оськин М.В. Указ. соч. С. 213.
29. Первая мировая война 1914–1918 гг. в 6 т. Т. 3. – М., 2015. С. 76.
30. Маниковский А.А. Боевое снабжение Русской армии в Мировую войну. – М.: Воениздат, 1937. С. 499–500.
31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 42. Л. 93.
32. Зайончковский А.М. Первая мировая война – СПб.: Полигон, 2000. С. 542.

ПОЛКОВОДЕЦ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» МАРШАЛ С.С. БИРЮЗОВ

Маршал С.С. Бирюзов

Имя Сергея Семеновича Бирюзова хорошо известно и в нашей стране, и за рубежом. В его честь установлены памятники и мемориальные доски, его именем названы улицы в ряде городов. Простой парень с Рязанщины, рано оставшийся без родителей, к началу Великой Отечественной войны стал опытным, образованным военным специалистом, генералом, командиром дивизии. Он с честью прошел дорогами Великой Отечественной войны с первого и до последнего ее дня, принимал участие во многих ее важнейших операциях. В должности начальника штаба фронта он зарекомендовал себя зрелым, талантливым во-

еначальником, став одним из творцов Победы. Его боевой путь нашел достаточно полное отражение в мемуарной и военно-исторической литературе. Однако его исключительно многогранная и плодотворная деятельность по укреплению обороноспособности Отечества в послевоенные годы, к сожалению, отражены пока недостаточно полно.

Встретив День Победы в Болгарии в должности командующего войсками 17-й армии, генерал-полковник С.С. Бирюзов некоторое время занимался налаживанием мирной жизни в этой балканской стране. Он тесно общался с новым болгарским военно-политическим руководством и представителями союзных миссий в этой стране, фактически руководил Союзной контрольной комиссией в Болгарии. Его деятельность на Балканах в этот непростой период была отмечена орденом Ленина и высокими болгарскими наградами.

Между тем, вскоре после окончания Второй мировой войны расстановка сил на планете начала кардинально меняться. Вчерашние союзники по борьбе с гитлеровской Германией все дальше отдалялись друг от друга во взглядах на послевоенное устройство мира. Знаменитая речь бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в американском Фултоне в марте 1946 года и оглашенная через год, 12 марта 1947 года, президентом США Г. Трумэном в американском конгрессе программа борьбы против сил демократии и социализма, вошедшая в историю как «доктрина Трумэна», возвестили мир о начале эпохи так называемой «холодной войны». Американское руководство тогда открыто заявило, что считает Советский Союз своим вероятным противником в будущей войне. 18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России», рассчитанную на многие десятилетия.

Получив в 1947 году назначение на Дальний Восток командующим войсками Приморского военного округа, генерал С.С. Бирюзов оказался фактически на переднем крае начавшейся «холодной

войны». В его подчинении оказались три общевойсковые и воздушная армии, войска которых дислоцировались на территории Приморского края без районов к северу от реки Самарга, а также войска, расположенные в Северной Корее и Китае на Квантунском (Ляодунском) полуострове.

По окончании Второй мировой войны Корейский полуостров, оказавшийся разделенным по 38-й параллели на два государства: Северную и Южную Корею, юридически оформивших свою независимость друг от друга в 1948 году. Северная оказалась в зоне ответственности Советского Союза, а Южная – Соединенных Штатов Америки. Именно здесь в конце 1940-х годов завязывался узел острого противостояния двух великих держав.

Очень непростой была и военно-политическая обстановка в Китае, где шла борьба за власть между коммунистами во главе с Мао Цзэдуном и гоминьдановским правительством Чан Кайши, укрепившимся под защитой США на острове Тайвань.

С.С. Бирюзову, с одной стороны, пришлось разбираться во всех сложных хитросплетениях внутренних разборок в этих сопредельных с нашей страной государствах, а с другой – обеспечивать интересы Советского Союза в регионе без явного участия советских войск в возможном военном противостоянии. Задача перед ним стояла исключительно сложная.

25 июня 1950 года на Корейском полуострове начались активные боевые действия. Хотя советские войска открыто участия в них не принимали, обстановка могла резко измениться в любой момент.

В тот очень непростой период, когда впервые после окончания Второй мировой войны бывшие союзники оказались фактически в военном противостоянии друг с другом, хотя формально в состоянии войны не находились, на Сергея Семеновича Бирюзова легла громадная ответственность за организацию защиты войск и народно-хозяйственных объектов от ударов противника с воздуха. При этом следует учесть, что авиация, по крайней мере, истребительная, у обеих противостоявших сторон стала реактивной, а опыта борьбы с подобным противником практически еще не было. Постоянно шли поиски наиболее рациональной организационной структуры противовоздушной обороны округа. Ряд авиационных и зенитных артиллерийских соединений и частей округа принимали участие в боевых действиях в составе 64-го истребительного авиакорпуса. Опыт организации противовоздушной обороны объектов от воздействия новой для того времени военной техники

противника, причем в условиях боевой обстановки, очень пригодился Сергею Семеновичу в недалеком будущем. Но пока он с честью справился с обязанностями командующего войсками военного округа, если не воюющего, то обеспечивающего боевые действия в новой военно-политической обстановке и с использованием принципиально новой военной техники.

После окончания войны в Корее Приморский военный округ был упразднен. Генерал С.С. Бирюзов, удостоенный за умелое руководство войсками третьего ордена Красного Знамени, был назначен вначале заместителем командующего Дальневосточного военного округа, а затем – командующим войсками Центральной группы войск (ЦГВ), которые размещались в Австрии и Венгрии. В Европе Бирюзову, ставшему генералом армии, довелось решать преимущественно военно-дипломатические задачи, но относительно недолго. В конце мая 1954 года потребовался его опыт организации противовоздушной обороны, приобретенный во время командования Приморским военным округом.

Дело в том, что в послевоенные годы с появлением у наших бывших союзников, ставших вскоре после Победы наиболее вероятными противниками, ядерного оружия, носителями которого изначально являлась бомбардировочная авиация, роль противовоздушной обороны страны год от года все более возрастала. Было известно, что в Соединенных Штатах один за другим разрабатывались конкретные планы ядерных ударов по крупнейшим городам Советского Союза с наиболее развитой промышленностью.

При этом, и в Советском Союзе, и у его вероятных противников интенсивно шла работа по созданию как принципиально новой авиационной техники, в первую очередь реактивной, так и радиолокационных средств. Одновременно и в нашей стране, и в Соединенных Штатах Америки активно шла разработка ракетной техники, мощным катализатором для которой послужил опыт создания и применения в годы войны нацистской Германией ракет «Фау-1» и «Фау-2». В этих условиях вся структура противовоздушной обороны страны требовала кардинальной перестройки.

Организация ПВО, существовавшая в годы Великой Отечественной войны, уже не отвечала требованиям времени.

Серия нарушений воздушного пространства СССР зимой и весной 1954 года заставила советское правительство обратить самое пристальное внимание на систему противовоздушной обороны

страны. Так, в ночь с 28 на 29 апреля того года со стороны Балтийского моря по различным маршрутам в воздушное пространство СССР вошли одновременно три иностранных бомбардировщика и углубились до рубежа Новгород, Смоленск, Киев. На их перехват было поднято 92 истребителя, из них 20 перехватчиков МиГ-17П. 40 истребителей выводились в районы полета целей, наводились непосредственно 20 самолетов, но ни один из летчиков цели не обнаружил.

Зенитная артиллерия Белорусского района ПВО вела огонь из района Минска одной батареей, выпустив 14 снарядов 100-мм пушками, а в Киевском районе ПВО из района Дарницы и Киева тремя батареями всего выпущен 81 снаряд 100-мм орудиями. Однако нарушители возвратились за границу безнаказанно.

Днем 8 мая со стороны Баренцева моря госграницу Советского Союза нарушили одновременно два реактивных самолета RB-47E, которые прошли над территорией, обороняемой Северным флотом и Северным военным округом. Один самолет-нарушитель долетел до района Кандалакши, второй – до района Печенги. На перехват нарушителей было поднято 13 самолетов МиГ-17ПФ. Наши летчики смогли обнаружить и атаковать одну из целей. Однако и на этот раз нарушители воздушных рубежей Советского Союза смогли уйти восвояси безнаказанно.

Такое положение было недопустимо, поскольку при каждом подобном нарушении воздушной границы неизменно возникали вопросы: какой груз несет на борту самолет-нарушитель и какая у него цель?

Для выработки мер, которые кардинальным образом могли бы изменить ситуацию, в мае 1954 года было проведено крупное совещание на правительственном уровне, на котором обсуждались вопросы реорганизации ПВО. После чего 27 мая того же года были приняты важнейшие Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС, касающиеся защиты воздушных рубежей Отечества. В том числе тогда были приняты Постановления № 1040-444сс «О безнаказанных полетах иностранных самолетов над территорией СССР», № 1049-499 «Об обеспечении Войск ПВО страны новой техникой» и ряд других. Тогда же было принято решение о серьезных преобразованиях в организации ПВО страны. Противовоздушная оборона выделялась в самостоятельный вид Вооруженных Сил. Главнокомандующим Войсками ПВО страны в ранге заместителя министра обороны был назначен Маршал

Советского Союза Леонид Александрович Говоров, ставший таким образом первым Главкомом нового вида Вооруженных Сил, а его первым заместителем стал генерал армии Сергей Семенович Бирюзов.

Приказом министра обороны № 0067 от 28 мая 1954 года перед главным командованием Войск ПВО страны ставились задачи «повысить боевую готовность, укрепить воинскую дисциплину, улучшить организационную структуру». Генерал С.С. Бирюзов энергично взялся за освоение нового для себя дела. Под руководством маршала Л.А. Говорова он принял активное участие в разработке организационной структуры нового вида Вооруженных Сил. Уже 14 июня она была утверждена соответствующим приказом министра обороны. Вместо районов ПВО и управлений приграничной полосы на всей территории страны создавались оперативные объединения (округа и армии) и оперативно-тактические соединения (корпуса и дивизии) ПВО. Границы объединений и соединений ПВО определялись в границах военных округов, и на командующих войсками военных округов возлагалась непосредственная ответственность за противовоздушную оборону. При этом командующие и командиры объединениями и соединениями ПВО находились в подчинении Главкома Войсками ПВО страны. Исключение составляло Дальневосточное направление, где командующим войсками округа оставался Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, продолжавший пока единолично отвечать за противовоздушную оборону вверенной ему территории. Хотя командование Войск ПВО стремилось создать единую систему, отвечающую за охрану и оборону воздушных рубежей страны, подчиненную единому центру.

Новая должность С.С. Бирюзова требовала от него широты мышления, неординарного, масштабного, государственного взгляда на стоящие перед подчиненными войсками задачи. К тому же ему довелось столкнуться с совершенно незнакомой ему ранее военной техникой, которая только-только создавалась, не было еще никакого опыта ее использования и боевого применения. То есть Сергею Семеновичу помимо решения привычных организационных вопросов нужно было самому многому научиться, на многие проблемы ему теперь приходилось смотреть совершенно под другим, непривычным для общевойскового командира углом зрения. При этом в условиях бурного развития средств вооруженной борьбы, характерного для середины 1950-х годов, нужно было учитывать

Обломки самолета Локхид У-2 в ЦМВС РФ

все возрастающую роль и значение Войск ПВО в общей системе обороны страны.

Не случайно, говоря о тенденциях развития военного дела тех лет, маршал Г.К. Жуков, в то время первый заместитель министра обороны СССР, отмечал: «Тяжелое горе ожидает ту страну, которая окажется неспособной отразить удар с воздуха».¹ На плечи руководителей нового вида Вооруженных Сил легла огромная ответственность за безопасность государства, и значительную ее часть пришлось взять на себя Сергею Семеновичу Бирюзову, поскольку здоровье Главкома – маршала Л.А. Говорова начало давать серьезные сбои, летом 1954 года он перенес первый инсульт, замещать его довольно часто приходилось его первому заместителю.

Именно генералу армии С.С. Бирюзову довелось принять активное участие в приеме на вооружение первого отечественного зенитно-ракетного комплекса С-25 для круговой противовоздушной обороны Москвы, уже прошедшего успешные стрельбы по реальным целям. С появлением этого комплекса зенитные средства поражения самолетов противника претерпели революционные изменения. Вокруг столицы разворачивались два кольца из 56 зенитных ракетных комплексов (ЗРК),

располагавшихся один от другого на расстоянии 12–15 километров, сектор огня любого из них перекрывал сектор комплексов, располагавшихся справа и слева, образуя непрерывную зону поражения. Каждый из ЗРК обслуживался полком и занимал довольно большие площади на местности. Зоны ответственности всех полков были разбиты на четыре одинаковых сектора, в каждом из которых находилось 14 полков двух эшелонов. При этом 14 полков представляли собой корпус. В полк входили две стартовые батареи, каждая из которых обслуживала 30 стартовых столов.

Система С-25 могла одновременно отражать удар 1000 самолетов. Показатели немыслимые для зенитной артиллерии.

Минусом этой системы было то, что она была стационарной, однако в соответствии с постановлением Правительства в то время уже шла работа и по созданию подвижного зенитного ракетного комплекса.

Одновременно шел процесс оснащения Войск ПВО новыми радиолокационными средствами, из которых затем сформировались радиотехнические войска (РТВ), как один из родов войск в составе организационной структуры ПВО. Кроме того, шло оснащение авиации ПВО реактивными само-

летами-истребителями, с возможностями которых С.С. Бирюзов был знаком еще по опыту войны в Корее.

19 марта 1955 года после тяжелой болезни ушел из жизни маршал Л.А. Говоров, после чего Главнокомандующим Войсками ПВО страны стал С.С. Бирюзов, которому незадолго до этого, 11 марта, вместе с еще пятью видными военачальниками было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. Впрочем, и до официального назначения Сергея Семеновича на эту должность руководители Министерства обороны многие вопросы, касавшиеся противовоздушной обороны, решали через него, чтобы лишний раз не беспокоить большого маршала Говорова.

Теперь вся колоссальная ответственность за безопасность воздушных рубежей страны полностью легла на плечи Сергея Семеновича. Ему довелось возглавить новый вид Вооруженных Сил в сложный период его становления, когда на его вооружение поступали принципиально новые, наукоемкие, сложные образцы вооружения, сведенные в единые системы в зависимости от решаемых задач, которые нужно было не только освоить, но и разработать принципы и способы их боевого применения, определить организационную структуру частей и соединений, вооруженных новой техникой, подготовить кадры, способные эту технику обслуживать, определить перспективы ее развития, решить огромное количество других вопросов.

При участии маршала С.С. Бирюзова было разработано «Положение о боевом дежурстве сил и средств ПВО», регламентировавшее несение службы соединений и частей Войск ПВО, которое было введено в действие приказом министра обороны 26 апреля 1955 года.

В том же году Постановлением ЦК КПСС от 14 апреля № 720-435 и Постановлением Совета Министров СССР от 7 мая № 893-533 была принята на вооружение первая зенитная ракетная система С-25 ПВО Москвы, о чем было 21 мая объявлено в соответствующем приказе министра обороны. К тому времени было завершено формирование частей, вооруженных этими комплексами, закончены все строительные работы, развернуты радиолокаторы обнаружения подлетающих целей, технические базы хранения и подготовки ракет к пускам, командные пункты. Зенитно-реактивные (по терминологии тех лет) соединения и части, развернутые вокруг Москвы, приказом министра обороны СССР от 15 июля 1955 года были сведены в 1-ю армию ПВО особого назначения (1А ПВО ОН). С 1 августа

некоторые полки уже приступили к несению опытного боевого дежурства.

7 июля 1957 года правительственным решением зенитные ракетные полки и корпуса ПВО ОН системы С-25 приступили к непрерывному боевому дежурству. К 1959 году было изготовлено более 30 тысяч зенитных управляемых ракет (ЗУР) для системы С-25.

Необходимо отметить, что в то время ничего подобного системе противовоздушной обороны Москвы не было создано ни в одной стране мира.

С вводом в боевой состав Войск ПВО страны системы С-25 советская столица была надежно прикрыта от возможных ударов с воздуха. С.С. Бирюзов мог гордиться проделанной работой. Однако Сергей Семенович прекрасно понимал, что впереди его ждало решение не менее технически сложных и масштабных задач. Во-первых, для защиты от воздушного противника многочисленных важных объектов, размещенных в разных концах огромной страны, нужны были мобильные зенитные ракетные комплексы, способные в относительно короткие сроки совершать маневр на новые позиции своим ходом или железнодорожным транспортом. Во-вторых, появление в США новых носителей ядерного оружия – баллистических ракет, головные части которых не могли перехватить ни существовавшие, ни перспективные средства ПВО, для защиты важнейших военных и политических объектов страны от ракетно-ядерных ударов противника предстояло решить беспрецедентную по сложности научно-техническую задачу, в успешное решение которой не верило большинство ученых.

Несмотря на все сложности, обе эти задачи под руководством маршала С.С. Бирюзова были успешно решены. Каждая из них достойна отдельного рассказа, однако объем статьи, к сожалению, не позволяет этого сделать.

Об эффективности мобильного зенитного ракетного комплекса С-75, принятого на вооружение в бытность маршала Бирюзова главкомом Войск ПВО страны, можно в определенной мере судить по материалам экспозиции ЦМВС РФ, рассказывающим о факте поражения 1 мая 1960 года в небе над Уралом ракетой этого комплекса американского самолета-разведчика Lockheed U-2, пилотируемого летчиком Фрэнсисом Пауэрсом.

Для исключения возможности впредь столь глубокого проникновения в воздушное пространство страны с южного направления самолетов-нарушителей, по предложению маршала С.С. Бирюзова

были приняты кардинальные меры. По его приказу на этом направлении в период с 6 по 19 сентября 1960 года был создан зенитный ракетный заслон из 55 дивизионов С-75 протяженностью 1340 километров от Сталинграда до Орска и Сары-Шагана. А 14 ноября того же года состоялось решение Военного совета Войск ПВО страны о создании к началу 1962 года второго рубежа от Красноводска до Аягуза протяженностью 2875 километров. Одновременно планировалось прикрыть зенитными ракетными средствами западное и причерноморское направления.

Таким образом, под руководством Сергея Семеновича в Войсках ПВО страны активно шла масштабная работа по освоению мобильных зенитных ракетных комплексов С-75 и развертыванию их в различных регионах страны. Одновременно он курировал работы по разработке и созданию отечественной системы противоракетной обороны.

Вопрос о необходимости подобной системы был поднят группой видных советских военачальников еще в августе 1953 года, то есть до того, как С.С. Бирюзов возглавил Войска ПВО страны. В письме впервые была сформулирована проблема возможного применения противником баллистических ракет, оснащенных ядерными боеголовками, по стратегически важным объектам нашей страны и содержалась просьба поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы с баллистическими ракетами, поскольку подобных средств ПВО в то время не существовало.

В научном сообществе к обозначенной военачальниками проблеме отнеслись скептически, мало кто из ученых верил в возможность ее технического решения. Однако молодой ученый – полковник Г.В. Кисунько, опираясь на расчеты, высказался за принципиальную возможность создания в ближайшее время радиолокационной станции, способной обнаруживать и сопровождать полет баллистических ракет. После чего начались работы по созданию отечественной противоракетной обороны. Ускоренными темпами шло проектирование уникальной радиолокационной станции, способной обнаруживать и сопровождать головные части баллистических ракет, для которой необходимо было создать специализированную мощную ЭВМ, шли работы и по созданию противоракет, аналогов которым ранее не было нигде в мире.

Работа по созданию принципиально новой, сложнейшей аппаратуры шла довольно быстро, уже в 1956 году под общим руководством

С.С. Бирюзова экспериментальный образец системы противоракетной обороны начал воплощаться в металле. Основанием для этого послужили постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О противоракетной обороне» от 3 февраля 1956 года и последовавшая за ним директива министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова от 10 февраля того же года о создании полигона противоракетной обороны «А».

В кратчайшие сроки был произведен колоссальный объем научно-исследовательских и строительных работ.

4 марта 1961 года был совершен реальный перехват противоракетой В-1000 головной части баллистической ракеты Р-12, запущенной с полигона Капустин Яр. Таким образом, впервые в мировой практике была продемонстрирована возможность перехвата и достаточно эффективного поражения головных частей баллистических ракет.

Летом 1961 года на сессии ООН Н.С. Хрущев известил мировую общественность о том, что в СССР создано оружие, которым, по его выражению, можно попасть «в муху в космосе».

Под руководством маршала С.С. Бирюзова коренным образом менялся весь облик Войск ПВО страны. Быстрыми темпами обновлялось вооружение во всех родах войск: новые, более совершенные образцы военной техники поступали и в радиотехнические войска, и в зенитные ракетные, и в истребительную авиацию, практически полностью перешедшую на реактивные машины.

В стране шла широкомасштабная, целенаправленная работа по коренной перестройке всей системы защиты ее воздушных рубежей. При этом Бирюзов мыслил широко, с заделом на будущее, поэтому многие его начинания оставались актуальными даже спустя многие годы и даже десятилетия. Он был одним из немногих военачальников того времени, который понял, что огромный пространственный размах нашей страны, скоротечность возможных боевых действий в ее воздушном пространстве, крайне ограниченное в связи с этим время на принятие решений и возросшие возможности средств воздушно-космического нападения делают жизненно важным для страны создание и внедрение в войска автоматизированных систем управления (АСУ) силами и средствами ПВО. И С.С. Бирюзов проявлял свойственную ему настойчивость в оснащении войск подобными системами. Необходимо отметить, что дальнейшее развитие Войск ПВО страны в 1960-х и 1970-х годах подтвердило правильность позиции маршала.

Явные, зримые, позитивные изменения, выведшие под руководством Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова Войска ПВО страны на принципиально новый уровень, были по достоинству оценены. 1 февраля 1958 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Между тем активная работа Сергея Семеновича по реорганизации войск продолжалась. Организационная структура Войск ПВО страны впоследствии несколько корректировалась и совершенствовалась в зависимости от изменения военно-политической обстановки в мире и развития военной техники и вооружения, однако общие принципы ее построения, заложенные С.С. Бирюзовым, оставались неизменными, и в оперативно-стратегическом масштабе структура войск сохранялась стабильно около 20 лет.

Таким образом, к 1961 году под руководством маршала Бирюзова была создана единая система ПВО на всей территории страны и был завершен процесс формирования Войск ПВО страны как самостоятельного вида Вооруженных Сил СССР. При этом главкомат Войск ПВО страны, в отличие от некоторых других видов Вооруженных Сил, обладал функциями не только административного, но и оперативного управления. Создание единой системы ПВО страны, действительно реагирующей на развитие средств воздушно-космического нападения противника и способов их боевого применения, было одним из основных достижений Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова в послевоенные годы.

Однако 24 апреля 1962 года произошел новый крутой вираж в служебном положении Сергея Семеновича. Неожиданно для многих он был назначен Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения, сменив на этом посту маршала К.С. Москаленко, назначенного главным инспектором Министерства обороны СССР.

Сергей Семенович возглавил самый молодой вид Вооруженных Сил СССР – Ракетные войска в период их становления как вида Вооруженных Сил. В их составе к тому времени было две ракетные армии (Винницкая и Смоленская), пять отдельных ракетных корпусов (Владимирский, Кировский, Омский, Читинский и Хабаровский), три полигона (Плесецк, Байконур и Капустин Яр), 4-е ЦНИИ в подмосковном Болшево и учебные заведения: две академии (имени Ф.Э. Дзержинского в Москве и имени А.Ф. Можайского в Ленинграде), три высших училища (Ростовское, Рижское и Харьковское) и восемь средних училищ.

Основу боевого состава РВСН составляли баллистические ракетные комплексы средней дальности, оснащенные ядерными зарядами, Р-5М, Р-12, Р-14, а также межконтинентальные ракеты Р-7А, готовились к постановке на боевое дежурство ракетные межконтинентальные комплексы Р-16У, испытывались ракеты Р-9А. Всего на вооружении соединений РВСН тогда находилось 578 ракет-носителей ядерных зарядов.

Кроме того, Ракетные войска стратегического назначения стояли у основ отечественной космонавтики. Именно межконтинентальные королевские ракеты Р-7 стали носителями первых искусственных спутников Земли и первых космических кораблей. Старты их с космодрома Байконур обеспечивали воины-ракетчики. Специалисты Командно-измерительного комплекса, входившего в состав РВСН, а это значительное количество войсковых частей, разбросанных по всей территории страны, обеспечивали управление космическими аппаратами, а также сбор и анализ поступающей с них телеметрической информации.

На новой должности Сергею Семеновичу пришлось столкнуться с совершенно другой техникой, другими организационными структурами, боевой службой, отличной от той, какая была принята в Войсках ПВО страны. Вновь маршалу Бирюзову пришлось многому учиться, осваивая новый, очень непростой участок работы. Правда, у него уже был опыт руководства становлением вновь созданного вида Вооруженных Сил, оснащенного новой для того времени, сложной военной техникой. И этот опыт он активно использовал на новом месте службы.

При этом следует учитывать, что создание и становление Ракетных войск проходило в очень непростой международной обстановке. В начале 1960-х годов прошлого столетия в мире дули ветры «холодной войны», конфронтация между США и Советским Союзом год от года все больше нарастала, обстановка в мире становилась все напряженнее. В конце 1950-х – начале 1960-х годов, по существу, вдоль всей границы СССР начали появляться американские военные базы, что позволило Пентагону максимально приблизить свои носители ядерного оружия к территории Советского Союза. Началось интенсивное развертывание американских ракет средней дальности в Турции, Великобритании, Италии, Западной Германии.

Непростой была обстановка и у американского континента. 1 января 1959 года группа революционеров во главе с Фиделем Кастро взяла в свои руки

Р. Кастро на приеме у министра обороны.
Третий справа – Главком РВСН
маршал Бирюзов, 1962 г.

власть на острове Куба и начала проводить независимую от США внешнюю и внутреннюю политику.

В марте-апреле 1962 года лидер советского политического руководства Н.С. Хрущев принял решение о военной помощи Кубинской республике. При этом в качестве ответных политике США мер он высказал идею размещения вблизи американского континента, на острове Куба советских баллистических ракет с ядерными зарядами. Наиболее подходящей кандидатурой для воплощения в жизнь этой идеи и Н.С. Хрущев, и министр обороны маршал Р.Я. Малиновский считали Сергея Семеновича Бирюзова. С одной стороны, Сергей Семенович хорошо проявил себя на военно-дипломатической работе в Болгарии, в Австрии и во время войны в Корее, а с другой – прекрасно справился с решением сложнейших военно-технических задач, будучи Главкомом Войск ПВО страны. При этом он проявлял широту мысли, государственный подход к решению стоявших задач, сочетавшиеся с твердостью и последовательностью при достижении намеченной цели.

С первых же дней пребывания на новой должности Сергей Семенович с головой окунулся в решение «кубинской проблемы», хотя и помимо этого ему предстояло в кратчайшие сроки разобратся со спецификой службы в Ракетных войсках стратегического назначения, ознакомиться с их организационной структурой, вооружением, организацией боевого дежурства, с руководящим составом управления, объединений, соединений и частей, вникнуть в тысячи деталей, неизвестных ему ранее.

24 мая министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский представил руководству

страны разработанный Генштабом предварительный план создания Группы советских войск на Кубе. В соответствии с этим планом предстояло провести беспрецедентную по масштабам операцию по скрытной переброске морем на расстояние более 10 тысяч километров значительной (до 51 тыс. человек) группировки советских войск с тяжелой техникой, получившую условное наименование «Анадырь».

27 мая 1962 года С.С. Бирюзов в составе правительственной делегации вылетел на Кубу для переговоров с лидером этой страны Ф. Кастро. Именно Сергей Семенович в ходе беседы с кубинским лидером сумел получить его согласие на размещение на Кубе советских баллистических ракет. По возвращении на Родину и доклада членов делегации на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС и Совета обороны о результатах переговоров было принято решение о начале практической реализации плана операции «Анадырь». 13 июня вышла соответствующая директива министра обороны СССР.

О ходе подготовки и проведения этой уникальной операции мы уже рассказывали в одном из номеров сборника. Нашла она отражение и в одном из разделов постоянной экспозиции ЦМВС РФ. Следует лишь отметить, что весь ход подготовки ракетчиков к выполнению сложнейшей боевой задачи, весь процесс беспрецедентной переброски целого ракетного соединения в другое полушарие с крупногабаритной ракетной техникой, скрытного оборудования стартовых позиций в непривычных климатических условиях и развертывание на них ракетных комплексов были под постоянным контролем маршала Бирюзова. Сергей Семенович лично вылетал на Кубу, чтобы на месте проверить ход подготовки ракетных полков к боевому применению. Необходимо отметить, что ракетчики с поставленной задачей справились.

Всего на Кубу в составе ракетной дивизии было скрытно доставлено 7956 человек личного состава, 42 ракеты Р-12 (в том числе 6 учебных), 36 ядерных головных частей, полторы заправки компонентов топлива, 1695 автомашин, 9,5 тысяч тонн строительных материалов и оборудования, более 1000 тонн продовольствия и снаряжения. Американцы смогли обнаружить советские ракетные комплексы на Кубе, когда они уже были развернуты и готовы к боевому применению. Затем, после урегулирования кризиса политическими средствами, ракетная группировка была возвращена на Родину.

Несмотря на все трудности, Ракетные войска стратегического назначения в ходе Карибского кризиса под руководством маршала С.С. Бирюзова выполнили свое основное предназначение – были главным сдерживающим фактором, который не позволил США пойти на агрессию и вовлечь мир в ядерную катастрофу. В дальнейшем итоги и уроки операции «Анадырь» во многом предопределили роль РВСН и стратегических ядерных сил нашей страны как основного средства сдерживания агрессии против Советского Союза и России.

При этом события, происходившие на Кубе во время Карибского кризиса, особенно в наиболее кризисные моменты, когда мир находился буквально в шаге от ракетно-ядерной войны, постоянно были в центре внимания главкома РВСН. Находясь во главе огромного, сложного, развивающегося войскового организма, он не мог оставлять без внимания целый ряд важнейших вопросов жизни и деятельности органов управления, соединений и частей РВСН, принятие решений по которым требовали его личного участия. А таких было немало.

Во-первых, Главком прекрасно понимал, что применение ракетно-ядерного оружия на Кубе неизбежно приведет к глобальному ядерному конфликту с вероятным применением всего наличного арсенала сил и средств РВСН. Поэтому все развернутые пусковые установки должны были быть в постоянной готовности к немедленному боевому применению. Были приостановлены увольнения личного состава, отменены отпуска. Ракетные войска в то время переживали, пожалуй, самый напряженный период своей истории.

Во-вторых, активно шли испытания новых межконтинентальных баллистических ракет Р-9А С.П. Королева, готовились к испытаниям ракеты Р-36 М.К. Янгеля и другие, которые размещались и запускались из шахтных пусковых установок (ШПУ). Причем для новой ракеты Р-36 предусматривалась разработка рассредоточенных, отдельно стоящих, дистанционно управляемых ШПУ – так называе-

Главком РВСН маршал С.С. Бирюзов в войсках, 1962 г.

мых одиночных стартов (ОС). Под руководством С.С. Бирюзова шло принятие на вооружение шахтных вариантов ракетных комплексов – Р-12У, Р-14У, Р-16У. Именно при нем происходили постановка на боевое дежурство первых полков МБР с ШПУ Р-16У и внедрение организационно-технических мер по предотвращению несанкционированных пусков ракет.

В сентябре 1962 года в ходе так называемой операции «Тюльпан» (специального учения с баллистическими ракетами Р-14У), со специально созданной на территории Агинского полигона Забайкальского военного округа стартовой позиции было проведено два реальных пуска ракет, один из них с ядерным зарядом.

В-третьих, наряду с развертыванием боевых ракетных комплексов в различных районах страны, в ведении Главкома РВСН были и космические программы, работа по которым не прекращалась, несмотря на сложнейшую международную обстановку. Достаточно отметить, что в августе 1962 года был совершен первый в мире групповой полет двух пилотируемых космических аппаратов «Восток-3» и «Восток-4» с космонавтами А.Г. Николаевым и П.Р. Поповичем на борту. Наименьшее расстояние между космическими кораблями на орбите составило тогда 6,5 километра. А 1 ноября того же года стартовала первая советская автоматическая межпланетная станция «Марс-1», впервые в мире выведенная на траекторию полета к Марсу. Весьма примечательно, что старт ракеты-носителя с этой станцией был запланирован на октябрь 1962 года, но в условиях острейшего кри-

зиса, связанного с событиями на Кубе, на стартовую площадку, откуда он должен был стартовать, была установлена боевая МБР Р-7А с трехмегатонной ядерной головной частью. Поэтому старт к Марсу был отложен до 1 ноября, когда обстановка уже несколько разрядилась, и боевая ракета была вывезена со старта.

Таким образом, маршала С.С. Бирюзова впереди ждали масштабные задачи по становлению и развитию Ракетных войск стратегического назначения, однако, судя по всему, у политического и военного руководства в отношении Сергея Семеновича были другие, более масштабные планы.

Практически сразу после его доклада министру о завершении операции «Анадырь» последовало назначение маршала на новую, более высокую должность – ему было поручено возглавить Генеральный штаб.

Под его непосредственным руководством теперь должны были проходить все сложнейшие процессы военного планирования великой державы. Спектр вопросов, входивших в сферу его служебной деятельности, значительно расширился: он отвечал теперь за все Вооруженные Силы страны, за состояние и развитие всех видов и родов войск, за их взаимодействие, а также за взаимодействие с вооруженными силами союзных Советскому Союзу государств и за анализ общей военно-политической обстановки в мире.

Работа начальника Генерального штаба сложна и многогранна сама по себе, а во время коренных преобразований в военном деле, которые происходили в то время, она усложнялась многократно, и справиться с ней мог только человек незаурядных способностей, каковым был маршал С.С. Бирюзов.

Во многом успешному освоению новой, сложнейшей должности способствовало знание им специфики самых молодых, высокотехнологичных видов Вооруженных Сил: Войск ПВО страны и Ракетных войск стратегического назначения, в становление которых он сумел внести значительный вклад. Он был в курсе перспектив их развития, по долгу прежней службы имел тесные связи с представителями военной промышленности, различных смежных ведомств. Пожалуй, больше ни одному из советских военачальников не довелось ни до, ни после Сергея Семеновича стоять у основ создания двух новых, оснащенных принципиально новой военной техникой, требующей совершенно новых подходов к организации ее боевого применения, совершенно новой тактики и оперативного искусства. Руководство ими потребовало от воен-

За шахматами с Малиновским

ного руководителя широты и гибкости мышления, которые в очень непростой обстановке тогда смог проявить С.С. Бирюзов.

С приходом в Генштаб маршал С.С. Бирюзов по своему обыкновению сразу с головой окунулся в море новых для него задач, стремясь как можно быстрее разобраться во всех нюансах новой для него должности.

Подготовка учений и маневров, многочисленные встречи с зарубежными коллегами... У маршала было много творческих планов, он много мог сделать во благо укрепления обороноспособности страны. Однако, 19 октября 1964 года во время официального визита в Югославию, где ему предстояло принять участие в торжественных мероприятиях, посвященных 20-летию ее освобождения от немецких захватчиков, он трагически погиб в авиационной катастрофе недалеко от Белграда.

Прах маршала Бирюзова со всеми подобающими почестями был захоронен на Красной площади в Кремлевской стене.

Сергей Семенович прожил яркую, насыщенную важными историческими событиями жизнь. Без преувеличения можно сказать, что вся его жизнь – прекрасный пример подражания для будущих поколений, для будущих защитников нашей Родины. При этом его по праву можно назвать полководцем «холодной войны», внесшим значительный вклад в достижение ядерного паритета.

В.А. Афанасьев,

*главный научный сотрудник ЦМВС РФ,
кандидат исторических наук*

¹ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь: РИФ ЛТД, 1995. – С. 183.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

«Э то был грустный, полный драматических событий и гениальный век. Грустный, если думать об уродливости повседневной жизни в нем; драматический, если помнить о череде потрясавших его восстаний и войн; гениальный, если иметь в виду научно-технический и даже социальный прогресс, ознаменовавший данное столетие».

Грусть, драматизм и гениальность – все это черты XIX века. Слова выдающегося французского историка Фернана Броделя прекрасно характеризуют это время – столь далекое и одновременно близкое для нас. Уже не осталось тех, кто бы помнил защитников батареи Раевского, послание Белинского к Гоголю или церемонию закладки Великого Сибирского пути. И все же «долгий век», как еще называют XIX столетие, оставил для своих «потомков» огромное наследие: парламентские республики и национальные идеи, железные дороги и телеграф, гуманитарные науки и новые формы рыночных отношений. Именно XIX век, каким бы странным и удивительным он ни казался, открыл привычные нам понятия и формы познания.

Это было «долгое» время, начавшееся с революционных событий во Франции и окончившееся разрывами бомб на фронтах Первой мировой. Это было время Наполеона Бонапарта, Улисса Гранта и Павла Степановича Нахимова. Это было время Крымской войны, ставшей по-настоящему «глобальным» конфликтом. Конфликтом, открывшим миру институт сестер милосердия.

Как так случилось? Как война могла дать миру тех, кто призван сохранять жизнь людей? И почему именно XIX столетие считается отправной точкой сестринского дела? Прежде чем ответить на эти вопросы, углубимся чуть дальше в историю.

В 1581 г. в одной из деревень на юге Франции родился человек, которому было суждено стать провозвестником сестринского дела. Винсент (Викентий) де Поль происходил из бедной крестьянской семьи. Последнее, впрочем, не помешало

Винсенту пойти по пути служителя Церкви. В то время религиозные основы по-прежнему оставались связующим звеном между разными слоями общества.

Понимая, что значит жить в бедности, Винсент постоянно призывал прихожан к милосердию и помощи страждущим. Поворотным моментом в его жизни стал 1617 г. На проповеди у священника оказались две женщины, которые до этого, что называется, жили в «праздности». Восхитившись словами служителя Церкви, они решили посвятить свою жизнь помощи бедным.

Винсент прекрасно понимал, что добрый порыв прихожан нельзя упускать. По инициативе священника было создано «братство милосердия для ухода и духовной помощи бедным больным». Это братство и стало предтечей сестринского дела. Два века спустя в состав разросшейся «организации» Винсента де Поля входили уже 15 тысяч сестер. Их неустанный труд применялся далеко за пределами Франции и Европы: в Америке, Африке, а также на Ближнем Востоке.

Со временем подобные общины начали появляться и в других странах. Россия не была исключением. В начале XIX столетия при Воспитательных домах Москвы и Санкт-Петербурга стали создаваться Вдовьи дома. Задачи сердобольных вдов, как называли современники служительниц этих домов, были схожи с сестринским делом: вдовы отправлялись в больницы и частные дома, дабы заботиться о больных.

Со временем стало понятно: помощь страждущим требовалась на постоянной основе. Следствием этого стало создание в 1844 г. первой общины сестер милосердия. Ее основательницей стала Александра Николаевна – младшая дочь императора Николая I. Доброта великой княгини спасла многих больных, но не уберегла ее саму. В этом же году Александра Николаевна скончалась от «чахотки», ныне известной как туберкулез. Ей было всего 19 лет.

Созданная в Петербурге община впоследствии получила название Свято-Троицкой. В задачи сестер, как и прежде, входили дежурство в квартирах, больницах, а также прием страждущих в самой общине. Однако обычного ухода за больными, привычных знаний лечебных процедур и санитарно-гигиенических условий оказывалось недостаточно. Требовалась совершенно новая подготовка сестер милосердия. И у этой подготовки были свои предпосылки.

В XIX столетии христианское милосердие сестер стало постепенно соединяться с достижениями научного знания. Последнее было бы невозможным без радикальных изменений в системе образования. Символом этих перемен стало открытие в 1810 г. Берлинского университета под руководством Вильгельма фон Гумбольдта. Отныне университет был не только «хранителем» знания. Его сотрудники и студенты стремились познать окружающий их мир. Сам же «долгий век» прошел под лозунгами женской эмансипации. Образование постепенно становилось доступным не только мужчинам, но и женщинам.

Следствием научной экспансии стало распространение западной медицины. Новые и, что самое главное, эффективные виды лечения заменяли собой традиционные, а простой уход за больными все чаще требовал профессиональной подготовки. Медицина проникала во все сферы жизни: складывалось новое санитарное законодательство, запрещавшее торговлю испорченными продуктами и следившее за чистотой воды и воздуха. Наконец, гигиена утверждалась как самостоятельная область знания, требовавшая к себе особого внимания.

К середине XIX в. сестринское дело во всем мире перестало быть простой формой милосердия, каковым оно было со времен Винсента де Поля. Знания и навыки сестер могли использоваться в разных случаях: от попечения за бедными до помощи раненым на полях сражений. Последнее и сыграло наиважнейшую роль в появлении нового института. Чтобы вывести сестринское дело на «новый уровень», требовалось событие мирового масштаба.

Таким событием и стала Крымская война (1853–1856 гг.). Алексис Трубецкой – французский историк, потомок русских эмигрантов – давал такое

Флоренс Найтингейл

определение этому событию: «немного найдется войн в человеческой истории, которые могли бы сравниться с Крымской по неясности цели и числу нежелательных последствий». Как видно, даже историки порой вынуждены были разводить руками, говоря о сути этой войны. Между тем, этот конфликт стал поистине уникальным для своего времени.

Крымская война известна Синопским сражением, героической обороной Севастополя и Петропавловска-Камчатского, а также тяжелым для России Парижским договором. Впрочем, это событие примечательно и другими моментами. Кампания в Крыму дала миру первых военных фотографов и корреспондентов. Именно здесь стройные ряды солдат на поле боя оказались заменены гибкими боевыми порядками и окопами. Наконец, в этом конфликте участвовали три самые могущественные империи своего времени – Российская, Британская, Французская.

Эта война унесла жизни почти 500 тысяч человек. Половина из них оказалась на счету Русской армии. Еще в самом начале участники конфликта стали осознавать, что исход войны зависел не

только от совершенного вооружения и продуманных тактических действий. Важно было и то, смогут ли раненые бойцы получить быструю и качественную медицинскую помощь. Усилий одних врачей было явно недостаточно.

В западной традиции начало профессионального сестринского дела принято связывать с англичанкой Флоренс Найтингейл (1820–1910 гг.). Свое необычное имя Флоренс получила благодаря Флоренции – городу цветов, в котором и родилась во время заграничной поездки своих родителей. Флоренс происходила из семьи аристократов, получила хорошее образование – знала греческий и латынь, была введена в высший свет, включая двор королевы Виктории.

Тем удивительнее для родителей Флоренс было желание девушки посвятить свою жизнь уходу за больными. В 1851 г. она отправляется в Кайзерверт (современная Германия), где пастор Теодор Флиднер основал общину сестер милосердия. Именно здесь Флоренс пришла идея создать целую систему по уходу и лечению больных.

О трудах сестры вскоре стало известно английскому правительству. 15 октября 1854 г. – в самый разгар Крымской войны – военный министр Великобритании Сидни Герберт отправил Флоренс письмо. Послание было предельно ясно: английской армии не хватало ухода за ранеными. Однако сестер в распоряжении английской подданной оказалось не так много. Флоренс вынуждена была просить помощи у общины Винсента де Поля.

По прибытии в военный госпиталь Флоренс сразу же взялась за дело: вооружила сестер метлами и швабрами, снабдила раненых бельем и посудой, наладила приготовление пищи. Смрад и грязь в госпиталях сменились чистотой и уходом за больными. Смертность уменьшилась. Сама Флоренс, обладавшая к тому же прекрасными математическими способностями, собирала статистику ранений и смертей в бою и в госпиталях. Уже после войны эта статистика была положена в основу санитарной реформы, а сама Флоренс стала первой женщиной Британии, получившей орден «За заслуги». В 1912 г., спустя два года после смерти Флоренс, ее именем была названа медаль – высшая награда для сестер милосердия во всем мире.

Екатерина Михайловна Бакунина

Свои герои были и среди русских сестер. В историю вошли имена Дарьи Михайловой (Даша Севастопольская), Марии Меркуровой, Александры Стахович, Екатерины Хитрово. Но более всего примечательна судьба другой сестры милосердия – Екатерины Бакуниной (1810–1894).

Удивительно, насколько история Екатерины Михайловны Бакуниной схожа с историей Флоренс Найтингейл. Как и английская сестра, Екатерина происходила из аристократической семьи. Ее отец состоял на должности петербургского губернатора, а мать происходила из рода Голенищевых-Кутузовых, что делало Екатерину родственницей известного русского полководца – героя войны 1812 года. Как и Флоренс, Екатерина получила превосходное образование. Росла в атмосфере музыки, поэзии и живописи. В доме Бакуниных гостили выдающиеся русские художники – Карл Брюллов и Александр Иванов. Знакомство с творческими профессиями отразилось на будущем сестер Екатерины: старшая – Евдокия – стала художницей, а младшая – Прасковья – поэтессой.

Тем более неожиданным стало желание Бакуниной, не имевшей до того медицинского опыта, вступить в ряды Крестовоздвиженской общины. Эта община была создана в самый разгар Крымской войны – осенью 1854 г., когда необходимость сестринского дела стала свершившимся фактом. Создателем общины стала великая княгиня Елена Павловна. Вдова великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора Николая I, после смерти мужа посвятила свою жизнь помощи страждущим. Руководителем общины сестер стал

Николай Иванович Пирогов

выдающийся отечественный хирург – Николай Иванович Пирогов (1810–1881).

Жизнь Пирогова была полна знаменательных событий и свершений. Достаточно упомянуть лишь несколько заслуг известного врача: один из открывателей эфирного наркоза, создатель анатомического атласа, основоположник военно-полевой хирургии. Последнее стало свершившимся фактом именно в период Севастопольской обороны.

Личность Пирогова пользовалась огромным авторитетом среди защитников города. Об этом свидетельствует и любопытная история. Однажды на перевязочный пункт солдаты принесли своего товарища. Один доктор, увидев это, замахал руками: «Куда несете? Ведь видите, что он без головы». На замечание последовал ответ: «Ничего, ваше благородие, голову несут за нами; господин Пирогов как-нибудь привяжет, авось еще пригодится наш брат-солдат!».

Николай Иванович Пирогов оказался в Крыму в ноябре 1854 г. Вскоре за своим руководителем последовали и сестры милосердия. В обществе по этому поводу царили критические настроения:

насколько гуманно было посылать сестер на поле брани? Все же война – не женское дело.

Первое отделение состояло лишь из 28 сестер во главе с Александрой Стахович. А между тем в одном Севастополе число раненых приближалось уже к десяти тысячам. Небольшая община не могла выдержать столь тяжелый труд. Сил явно не хватало. Поэтому на помощь прибыли те, с кого и начинался сестринский труд – сердобольные вдовы Москвы и Санкт-Петербурга.

Еще в Симферополе Пирогов разделил сестер на три разряда: перевязывающих, аптекарей и хоззяек. Каждый занимался своим делом: первые – помогали врачам; вторые – раздавали лекарства; третьи – следили за чистотой в госпиталях и содержанием больных. Разделение по профессиональному признаку быстро дало о себе знать. Сестры эффективно и четко выполняли свои обязанности.

Забота о больных приводила порой к весьма комичным ситуациям. Так, один солдат оказался недоволен тем, что ему не давали никаких лекарств. На замечание сестры, что доктор ничего не прописал, раненый боец начал жаловаться Пирогову. Сестре оставалось лишь пойти на хитрость: поить солдата водой с сахаром. «Новая душа в меня вселилась», – отметил боец и начал быстро поправляться.

Севастополь за свою неприступность был прозван европейской печатью «Русской Троей». Именно здесь, под градом пуль и снарядов, сестры столкнулись с самыми суровыми испытаниями. Под руководством Пирогова им удавалось быстро привыкать к госпитальному порядку. По воспоминаниям врача Ульрихсона, сестры «так наметались и пригляделись» к операциям, что при необходимости могли сами проводить ампутации. Женский труд использовался везде: на поле боя, в госпиталях, в Гушином доме. В последнем сестры ухаживали за теми, кому можно было помочь лишь напутственным словом. То было место для смертельно раненных.

Слова Пирогова ярко иллюстрируют один из дней жизни госпиталя: «Двери зала ежеминутно отворялись и затворялись. Вносили и выносили раненых по команде: на стол, на койку. В боковой довольно обширной комнате (операционной), на трех столах, кровь лилась при производстве операций... Матрос Пашкевич, отличавшийся искус-

ством прижимать артерии при ампутациях, едва успевал следовать призыву врачей, переходя от одного стола к другому. Бакунина постоянно присутствовала в этой комнате, готовая следовать на призыв врачей».

Авторитет Пирогова, усердный труд врачей и сестер не всегда могли исправить ситуацию. Крымская война отличалась большим числом потерь и распространением эпидемий. В госпиталях свирепствовал тиф, поражая раненых бойцов. Как итог, многие солдаты по-прежнему предпочитали гибель на поле боя смерти в лазарете. Жертвами болезни становились и сестры милосердия.

Дни и ночи сестры присутствовали на операциях и помогали в перевязках. Однако силы защитников иссякали. После 11 месяцев обороны Севастополь пал. Вместе с бойцами город покидали сестры милосердия. Одной из последних, наблюдая за взрывом Николаевской батареи, оставляла город Екатерина Михайловна Бакунина.

Парижский мир стал вестником новой эпохи. Под началом императора Александра II Россия вступала в период реформ. За отменой крепостного права, административными и образователь-

ными реформами последовали изменения и в военной сфере.

Перемены ждали также институт сестер милосердия. Крымская война лишь ускорила происходившие ранее процессы. Привычные XIX веку общины со временем сменялись образовательными заведениями. Традиционные обязанности сестер уступали место медицинской работе. А «образ жизни», которому следовали представители общин, превращался в профессию – профессию медицинской сестры.

К.А. Медведев,
научный сотрудник ЦМВС РФ

Список использованной литературы

1. Всемирная история: в 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. – М.: Наука, 2014. 940 с.
2. Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. 2: Медицинская служба русской армии. 1853–1905 гг. / П.Ф. Гладких, О.А. Крючков. – СПб.: Петрополис, 2009. 301 с.: ил.
3. Бабурова И.А. Явление в мир Крестовоздвиженской общины / И.А. Бабурова // Бакунинский сборник: Ежегодник. Вып. 1. – Тверь: Славянский мир, 2004. С. 51–68.
4. Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века / Е.Н. Козловцева / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 208 с.
5. Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. / Ю.А. Наумова. – М.: Модест Колеров, 2010. 317 с.: ил.
6. Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии, с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855 / Н.И. Пирогов. – СПб.: типография Императорской Академии наук, 1856. 33 с.
7. Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия / А.В. Постернак. – М.: Изд-во Св.-Димитриев. уч-ща сестер милосердия, 2001. 303.
8. Трубецкой А. Крымская война / А. Трубецкой. – М.: Ломоносовъ, 2010. 320 с. (История. География. Этнография).

Фрагмент экспозиционного комплекса
ЦМВС РФ, посвященного Крымской войне

НАГРАДЫ ПО СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Толковый словарь В.И. Даля слово «наградить» объясняет, как: «наделять, даровать, жаловать ... за какую заслугу, за службу, за подвиги»!

Награды – высшая форма поощрения морального или материального характера; вещественное свидетельство признания особых заслуг перед государством и обществом военнослужащих (граждан), воинских частей (кораблей), соединений, объединений, военных образовательных организаций и учреждений.

На Руси начиная с X–XII вв. воины за боевые заслуги и подвиги награждались шейными гривнами, цепями, крестами, доспехами, золотой и серебряной посудой, мехами, разного рода одеждой (преимущ. шубами), наделами земли, деньгами и даже съестными припасами. Самой почетной наградой воеводе являлось пожалование титула «слуги царского».

Первой документально зафиксированной наградой России является

Середина XVI в. Царь Иван Васильевич.
Золото. На обороте надпись:
БЖІЕЮ МЛСТІЮ ЦРЬ І ВЕЛИКІИ КН[зь] ІВАНЪ

Медаль «За победу при Лесной»,
28 сентября 1708 г.

Шейная золотая гривна
(XI – начало XII в.)

золотая гривна (золотое нашейное украшение), которой, согласно Никоновской летописи, князь Владимир Мономах награждал Александра Поповича за его подвиг в борьбе против половцев, напавших на Русь около 1100 года.

Царские награды в России существовали издавна. Они отличались от подарков тем, что давались за определенные заслуги, а не просто в знак любви и уважения государя. В XV в. воины за ратные подвиги стали награждаться медалями-монетами («золотой деньгой»). Эта традиция сохранялась до конца XVII в.

В России в самом начале XVIII века стали чеканить памятные медали. Они выпускались в честь

важнейших событий того времени, чаще всего баталлий, которые русские мастера стремились отобразить с возможной точностью. Медали были в то время одним из важнейших средств демонстрации государственной мощи, а также своеобразным средством «массовой информации»: они раздавались в ходе торжественных церемоний, посылались за границу «в подарок чужестранным министрам». Петр I сам нередко занимался «сочинением» медалей.

Петровские военные медали существенно отличались от «золотых». По виду и размерам они соответствовали новым русским монетам – рублям; на лицевой их стороне всегда помещался портрет царя (поэтому сами медали назывались «патретами») в доспехах и лавровом венке, на оборотной, как правило, сцена соответствующего сражения, надпись и дата.

Закреплен был и принцип массового награждения: за сражение на суше и на море выдавались не только офицерские, но и солдатские, и матросские медали – всем до одного участникам, а выдающийся личный подвиг мог быть отмечен особо.

По документам Монетного двора, наградными медалями было отмечено 12 сражений первой четверти XVIII века.

В императорской России от петровских времен до 1917 года существовало около тысячи двухсот разновидностей наградных медалей. Если выложить все медали в хронологическом порядке, получилась бы наглядная история Отечества. Тут все войны, что вела наша страна от Петра I до 1917 года.

Со временем стали цениться не только воинская служба, но и трудовые подвиги. При Петре I появились даже именные наградные медали. Первой такой медалью стала в 1709 году медаль «Капитану Матвею Симонтову за строительство гавани в Таганроге». Введение Петром I орденов и первые награды оружием поставили награды уже в государственный ранг. Бытовало также награждение миниатюрными портретами Петра I, украшенными драгоценными камнями («Нарядная персона»).

Награды определяли не только исторические события и их времена, но также социальное устройство общества, взаимоотношение сословий, положение награжденного в государстве. Ордена точно определяли значимость человека,

Персональная медаль
«Капитану Матвею Симонтову
за строительство гавани в Таганроге»,
1709 г.

успех его карьеры, положение по иерархической лестнице. Человеку, не обладавшему дворянским достоинством, получить орден было практически невозможно.

В XVIII веке стало распространенным явлением жалование государями служилым людям, особенно за военные заслуги, земель, имений с государственными крестьянами, которые превращались в крепостных. Екатерина II с 1774 года ввела для офицеров армии и флота знак отличия за военные подвиги – Золотое оружие с надписью «За храбрость». В начале XIX века награждение оружием было приравнено к боевым наградам и закреплено законодательно.

Однако приведение наград от имени царя в определенный порядок произошло только при императоре Александре II высочайше утвержденным «Положением о наградах по службе» от 31 июля 1859 года.

Устанавливались следующие награды за отличие по службе:

- 1) Высочайшее Его Императорского Величества благоволение.
 - 2) Чины.
 - 3) Ордена.
 - 4) Назначение аренд и жалование земель.
 - 5) Подарки от Высочайшего Его Императорского Величества Имени.
 - 6) Единовременные денежные выдачи.
- Кроме того, военным лицам:
- 7) Перевод в Гвардию и другие части войск, имеющие преимущество в чинах.
 - 8) Золотое оружие.

К наградам за отличие по службе могли быть представлены лица, состоявшие на действитель-

ной государственной службе и «... все те должностные лица, для коих Особыми Положениями дозволено испрашивать таковые награды».

Высочайшее благоволение было общим или именным. Общее, когда оно касалось отдельной части войск или отдельного управления и ведомства. Именное, когда оно объявлялось одному или нескольким лицам поименно. Объявление Высочайшего благоволения зависело непосредственно от Императора, никаких представлений не допускалось. Объявлялось рескриптом на имя лица, заслужившего Высочайшее внимание, или в Высочайшем Приказе.

Награды чинами лиц воинского звания «... допускается производство за отличие как за служебные заслуги, в мирное время оказанные, так и за воинские подвиги».

Награждение орденами производилось «... за заслуги, определенные Статусами Орденскими, по представлению Орденских Дум». В отношении лиц, имеющих воинские чины, награды производились за служебные отличия в мирное время и военные отличия. За служебные отличия в мирное время представлялись к орденам офицеры в чине не ниже поручика. За военные отличия «... позволять представлять к орденам и без соблюдения одного условия, но в таком случае представление должно заключать в себе не общую отметку «за мужество и храбрость», а подробное изложение оказанного военного подвига».

Награждение арденами, или взамен деньгами, зависело «... от Величайшего Его Императорского Величества благоусмотрения: непосредственно или по ходатайству Главнокомандующих, Министров и Главноуправляющих». Обыкновенный срок для арден был установлен от 4-х до 12-ти лет.

Подарки императора были двух родов: один – «с вензельным изображением Высочайшего Имени Его Императорского Величества (только для лиц, состоящих в должностях или в гражданских чинах не ниже V класса), другие – обыкновенные, назначаемые на счет собственных сумм Министров и Главных Управлений» (для лиц всех чинов и должностей).

Денежные выдачи. Денежная награда, жалуемая одному лицу, не должна была превышать годового оклада жалования награждаемого; «... а буде награждаемый получать несколько окладов, то высшего из них».

Перевод в Гвардию. Перевод в Гвардию армейских офицеров производился по представлению

только «за отличия в делах против неприятеля». За служебные отличия перевод в Гвардию допускался только для офицеров артиллерии и из образцовых войск.

Награждение Золотым оружием производилось за военное отличие, от прапорщика до генерала включительно. Но в обер-офицерских чинах разрешалось назначать награду тем, которые удостоились уже получить орден Св. Анны 4-й степени за храбрость или состояли кавалерами ордена Св. Великомученика Георгия 4-й степени. Золотое оружие для генералов назначалось с алмазными украшениями, а для штаб и обер-офицеров без алмазных украшений.

Наградная система Российской империи включала в себя следующие ордена:

- орден Святого апостола Андрея Первозванного (1698, одна степень);
- орден Святой Великомученицы Екатерины, или Освобождения (1714, две степени);
- орден Святого Александра Невского (1725, одна степень);
- военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769, четыре степени);
- орден Святого Равноапостольного князя Владимира (1782, четыре степени);
- орден Святой Анны (в российской наградной системе с 1797, четыре степени);
- орден Белого Орла (в российской наградной системе с 1831, одна степень);
- орден Святого Станислава (в российской наградной системе с 1831, три степени).

С 1797 по 1817 год, благодаря Павлу I, в России «признавался» Мальтийский орден Св. Иоанна Иерусалимского.

Каждый из восьми российских орденов имел свой статус, свои праздники, существовали специальные орденские одеяния. Праздники проводились в присвоенной этому ордену петербургской церкви, на них представляли царю новых кавалеров, ибо царь считался гротмейстером, или начальником всех русских орденов. Высшей наградой был старейший из русских орденов – *орден Святого апостола Андрея Первозванного*.

Первым его кавалером стал сподвижник Петра генерал-адмирал Ф.А. Головин (1699). Им награждались монархи, высшие сановники, как военные, так и статские, важнейшие зарубежные союзники России. В 1998 году орден был восстановлен как высшая награда Российской Федерации. Орденский праздник – 30 ноября (13 декабря).

Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Этот орден занимал совершенно особое место в системе наград Российской империи. Указ об учреждении ордена был подписан Екатериной II 26 ноября 1769 г. Полное официальное его название – *Императорский Военный орден святого Великомученика и Победоносца Георгия*. В статуте ордена записано: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием...».

В особом разделе статута в нескольких десятках (!) пунктов детально перечисляются подвиги на поле битвы или в морском сражении, дающие право на представление к этой награде.

В орденском статуте специально было оговорено: «Орден Св. Георгия никогда не снимается». При этом начиная с 1856 г. знаки низших степеней ордена не снимались при получении более высоких степеней.

Решение о награждении орденами 3-й и 4-й степеней принималось особой Георгиевской Думой, составленной из кавалеров ордена, а награждение орденами Св. Георгия 1-й и 2-й степеней производилось только указом Императора, как правило, по представлению Георгиевской Думы.

Имена всех кавалеров ордена Св. Георгия заносились золотыми буквами на мраморные доски, помещенные на стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского Дворца. Офицер, награжденный орденом Св. Георгия, автоматически получал следующее воинское звание (военный чин), а если он не был дворянином – приобретал права потомственного дворянства. Власть всячески подчеркивала особо высокий статус этой боевой награды.

За всю историю ордена Св. Георгия лишь четыре прославленных военачальника были удостоены всех четырех его степеней: генерал-фельд-

Орден Святого
Великомученика
и Победоносца Георгия
IV степени

маршалы М.И. Кутузов (1812 г.), М.Б. Барклай-де-Толли (1813 г.), И.Ф. Паскевич (1829 г.) и И.И. Дибич (1829 г.).

Орден 1-й степени за полтора века вручался 25 раз. В первые годы после учреждения ордена Св. Георгия несколько российских военачальников получили за выдающиеся боевые отличия сразу высшую степень этого ордена: генерал-аншефы П.А. Румянцев (1770 г.), А.Г. Орлов (1770 г.), П.И. Панин (1770 г.), В.М. Долгоруков (1781 г.), генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин (1788 г.).

Если не считать монарших «самовозложений» орденских знаков и пожалований ордена иностранцам, всего лишь 15 российских полководцев и военачальников удостоились этой награды за полтора века ее существования! (Для сравнения: высшим орденом Российской империи –

Св. Андрея Первозванного – за этот период было награждено более тысячи чел.).

Каждый орден имел девиз, текст его помещался на звезде высшей степени ордена:

- орден Святого Андрея Первозванного: «За веру и верность»;
- орден Святого Георгия: «За службу и храбрость»;
- орден Святой Екатерины: «За любовь и Отечество»;
- орден Святого Владимира: «Польза, честь и слава»;
- орден Святого Александра Невского: «За труды и Отечество»;
- орден Белого Орла: «За веру, царя и закон»;
- орден Святой Анны: «Любящим правду, благочестие и верность»;
- орден Святого Станислава: «Награждая, поощряет».

При Екатерине II была учреждена еще одна боевая награда – золотое оружие – шпаги, сабли и палаши (для моряков), на вызолоченном эфесе которых имелась надпись «За храбрость».

Медали Российской империи. Большинство русских наградных медалей были учреждены для награждения участников (как офицеров, так и нижних чинов) конкретных кампаний, походов и сражений. По традиции медалями награждались как

Золотой офицерский крест
«За участие в штурме Очакова», 1788 г.

представители привилегированных классов, так и низшие чины – унтер-офицеры, солдаты, матросы.

В царствование императрицы Екатерины II стали появляться и штатские медали. В конце XVIII века появилась и первая в Русской армии медаль за выслугу лет. В царствование Александра I, наряду с военными медалями появилось много шейных медалей диаметром 50 мм, отмечающих верную службу царю и Отечеству. Некоторые из них дожили до революции 1917 года: «За усердие», «За полезное», «За верную службу», «За усердие к службе» и др.

В Николаевскую эпоху появились награды для учащихся в военных и штатных учебных заведениях. Среди них – «За успехи в учении и добродетели», «Честному труженику», «За достоинство» и др.

Наградные медали были классом ниже орденов, но и сами они имели разное достоинство. Самыми «престижными» наградными медалями были *золотые офицерские кресты*, не входившие в иерархию российских императорских орденов, но стоявшие сразу же за ними и часто воспринимаемые как ордена. В русской истории их было всего пять: за участие в штурме Очакова (1788 г.); за участие в штурме Измаила (1790 г.); за участие в штурме Праги (1794 г.); за сражение у Прейстиш-Элау (1807 г.); за взятие приступом Базаржика (1810 г.).

Награды, получаемые нижними чинами. Нижние чины, состоящие на действительной службе,

могли получить в награду за хорошее поведение и усердную службу, за походы, сражения, личные подвиги и отличную стрельбу: знаки отличия, медали и деньги, а также могли быть переименованы в ефрейторы, в младшие унтер-офицеры, в старшие унтер-офицеры и в фельдфебеля, произведены в офицеры. В 1788 году для вознаграждения нижних чинов легкой кавалерии за трехлетнюю сверхсрочную службу вводилась овальная серебряная медаль с надписью: «За службу». Те же, кто прослужил сверхсрочно

Знак отличия ордена Святой Анны

свыше пяти лет, получили золотую медаль с надписью: «За усердную службу».

Знаки отличия. Впервые знаки отличия для нижних чинов были учреждены Павлом I – Знак отличия ордена Святой Анны. Знаком награждали, главным образом, за многолетнюю беспорочную службу.

13 февраля 1807 года был учрежден особенный знак отличия, причисленный к ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия, – Знак отличия Военного ордена (позже – Георгиевский крест). Подразделялся на четыре степени. Знак этот жалуются нижним чинам только за особые подвиги мужества и храбрости, оказанные в сражениях, двояким образом: или на целую часть, или отдельно каждому нижнему чину.

В этом же году была учреждена медаль «За храбрость». Медаль, носимая на георгиевской ленте, подразделялась на четыре степени. Подобно знаку отличия военного ордена жалуются или отдельно каждому нижнему чину за личную

Медаль «За храбрость», 1807 г.

храбрость, или на целую команду, оказавшую особое отличие.

В военное время медалью «За храбрость» награждались также лица, не имеющие классных чинов и воинских званий (служащие Красного Креста – сестры милосердия, санитары и др.; добровольцы из числа гражданского населения) за подвиги, проявленные в боевой обстановке, под огнем неприятеля.

Последняя награда в Российской империи для нижних чинов – Георгиевская медаль (с надписью «За храбрость»), причисляемая к Военно-

му ордену Святого Георгия, была учреждена 10 (23) августа 1913 года. Медаль предназначалась для награждения нижних чинов армии и флота за проявленные ими в военное или в мирное время подвиги, а также гражданских лиц, но лишь за отличия, оказанные ими в бою против неприятеля. Имела четыре степени.

Ю.И. Ольховик,

кандидат военных наук, доцент;

Н.В. Ольховик,

кандидат педагогических наук, доцент

Список использованной литературы

1. Положение о наградах по службе [Текст], 1859. 50 с.
2. Символы, святыни и награды Российской державы [Текст] / В.Н. Балязин [и др.]. – М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 336 с.
3. История государства Российского в наградах и знаках [Текст] в 2-х т. / Н.Н. Гладков. – СПб., 2003. Т. 1. – 523 с.
4. Энциклопедия русских наград [Текст] / А.А. Кузнецов – М.: Советское радио, 1999. 499 с.

105 ЛЕТ СО ДНЯ ПЕРВОГО НОЧНОГО БОЕВОГО ВЫЛЕТА

бомбардировщика И.И. Сикорского
«Илья Муромец», экипаж Г.И. Лаврова

Выдающийся авиаконструктор И.И. Сикорский уже был довольно известен, когда взялся за строительство самого большого в мире многомоторного самолета. Причем делал это он вопреки сомнениям многих авторитетных специалистов того времени, полагавших, что такой аэроплан летать не сможет. Однако первый созданный им крупный самолет «Le Grand» (позже переименованный в «Большой Русско-Балтийский», а затем в «Русский Витязь») с крылом размахом 27 м и полетным весом более 4 т летал успешно [4. С. 2].

Его дальнейшим развитием стал бомбардировщик С-22 «Илья Муромец» – этапный самолет в мировом авиастроении, ставший прототипом всех тяжелых многомоторных бомбардировщиков. «Илья Муромец» был разработан авиационным отделом Русско-Балтийского вагонного завода под руководством И.И. Сикорского и построен в октябре 1913 года. После чего самолет прошел серию испытаний, которые оказались не совсем удачными. Однако уже спустя два месяца машину отправили на показательные полеты. Самолет пилотировал лично И.И. Сикорский. Максимальная скорость в полете доходила до 130 км/ч. На «Илье Муромце» тогда были установлены все мировые рекорды по грузоподъемности, продолжительности и дальности полета. Так, 12 февраля 1914 года на нем подняли 1300 кг груза, а также 15 пассажиров и одну собаку. Это достижение оставалось непревзойденным до 1919 года [4. С. 3]. В июне 1914 года на этом тяжелом самолете был выполнен первый в мире скоростной дальний перелет Петербург–Киев с одной посадкой в Орше. Дальность перелета составила

Авиаконструктор,
летчик Сикорский
Игорь Иванович

более 1200 км, а время – 13 часов 10 минут. Обратный путь из Киева в Петербург «Илья Муромец» преодолел за 14 часов 38 минут. Помимо командира экипажа И. Сикорского, в перелете принимали участие вторым пилотом – штабс-капитан Х. Пруссис, штурманом и летчиком – лейтенант Г. Лавров, а механиком – В. Панасюк. Именно ими был установлен мировой рекорд по продолжительности и дальности полета трех лиц на борту аэроплана. Мировая пресса была в восторге от российского летательного аппарата. В те дни журналисты писали, что во время полета по крыльям «Ильи Муромца» могут ходить люди, не нарушая его равновесия, а сам самолет способен летать даже с двумя из четырех работающими двигателями. Все это

было совершенно новым, невиданным и диковинным, а потому производило на очевидцев полета большое впечатление. «Илья Муромец» выпускался в России в различных модификациях, отличавшихся составом силовой установки и отдельными конструктивными особенностями [7].

Впервые в мировой практике фюзеляж «Ильи Муромца» был сплошным, четырехгранного сечения, высотой более человеческого роста. В его передней части находилась кабина длиной 8,5 м, шириной 1,6 м и высотой 2 м. В просторной кабине, снабженной шестью большими окнами на каждой стороне, стояли плетеные кресла. В новом самолете было электрическое освещение (за счет ветряного генератора) и отопление (за счет выхлопных труб, которые действовали как радиаторы). Помимо пилотской кабины, на борту также имелись специальная комната для пассажиров, спальня и даже ванная с туалетом.

Масса самолетов «Илья Муромец» разных модификаций составляла от 4800 до 6100 кг, площадь крыльев – 220 кв. м. Размах верхнего крыла в зависимости от модификации составлял от 24 до 34,5 м, нижнего – от 17 до 27 м. Элероны имелись только на верхнем крыле. Самолет мог брать до 400 кг бомб, которые вначале сбрасывали механически, движением рукоятки, а с 1916 года – с помощью электросбрасывателя, впервые в мире примененного именно на этих машинах. Силовая установка включала четыре двигателя «Аргус» мощностью по 100 л.с. Некоторые самолеты оснащали двумя внутренними моторами «Сальмсон» по 200 л.с. и двумя двигателями «Аргус» по 115 л.с. Позднее устанавливались и французские моторы «Рено» мощностью по 220 л.с. [7].

В августе 1914 года бомбардировщик (воздушный корабль – по существовавшей в то время терминологии) «Илья Муромец» был принят на вооружение Русской армии. А 23 декабря 1914 года Указом Императора Николая II была сформирована первая в мире эскадра этих самолетов – ЭВК. Эту дату в нашей стране принято считать днем создания Российской дальней (стратегической) авиации. Самолеты ЭВК использовали в качестве разведчиков, а потом и бомбардировщиков. Эскадра стала не просто новым боевым формированием. На ее «Муромцах» проверялись новые элементы тактики действий экипажей (от бомбардировки объектов противника ночью до борьбы с вражеской зенитной артиллерией и истребителями). Именно тогда были заложены основы воздушной навигации, штурманского и инженерно-авиационного обеспечения бомбардировочной авиации, многими из которых российская Дальняя авиация пользуется и по сей день.

Первым начальником ЭВК был назначен генерал-майор Михаил Владимирович Шидловский. В приказе императора от 14 декабря 1914 года, в частности, было отмечено: «...Член Совета Министерства финансов действительный статский советник Шидловский назначен начальником Управления Эскадры воздушных кораблей с переименованием в генерал-майоры и зачислением по

Генерал-майор
Шидловский
Михаил Владимирович

инженерным войскам». [1. С. 22]. Российской тяжелой авиации с первым командующим повезло. М.В. Шидловский стал доблестным офицером, выдающимся организатором и истинным патриотом нашей Родины. Благодаря трудам этого бескорыстного великого труженика и энтузиаста, Русская армия получила боевую авиационную часть, не имевшую аналогов в мировой практике и прославившуюся на фронтах Первой мировой войны. Но после Февральской революции, в апреле 1917 года М.В. Шидловский был обвинен в некомпетентности, снят с должности и отозван из Винницы в Петроград. В 1919 году

генерала арестовали по обвинению в шпионаже и 14 января 1921 года расстреляли. В 1998 году Михаила Владимировича реабилитировали как необоснованно репрессированного. А в 1999 году по инициативе летчиков перед штабом Дальней авиации Минобороны России, в Москве ему установили памятник. В 2014 году в честь 100-летия Дальней авиации одному из современных дальних сверхзвуковых ракетно-бомбардировщиков Ту-22М3 было присвоено наименование «Михаил Шидловский» [10].

21 декабря 1914 года, согласно утвержденному Верховным Главнокомандующим положению об ЭВК, целями ее создания объявлялось: «Выяснение боевых свойств Воздушных кораблей, выработка соответствующего боевого вооружения их, подготовка командного состава и нанесение большего вреда неприятелю в зависимости от степени боевой готовности кораблей» [1. С. 23]. Деятельность ЭВК подразделялась на подготовительную и боевую. Подготовительная: испытание и изучение боевых свойств воздушного корабля; подготовка личного состава кораблей к обслуживанию и управлению ими. Боевая: разрушение при помощи бомб важнейших военных укреплений и сооружений противника, а также поражение резервов и обозов в тылу неприятельских армий; поражение ружейным и орудийным огнем неприятельских управляемых аэростатов и самолетов; производство разведок и фотографирование неприятельских позиций и укреплений.

По штату в ЭВК полагалось 10 боевых и 2 учебных «Муромца». В январе 1915 года заказ на первые 10 «Муромцев» был выполнен, и вся эскадра вылетела на фронт и обосновалась в Яблонне, недалеко от Варшавы. Месяц ушел на слаживание воинской части, а 14 и 15 февраля состоялись первые боевые вылеты именного «Илья Муромца» «Киевского» на бомбометание. С этих полетов и началась боевая работа эскадры в ходе Первой мировой войны.

СПРАВКА:

Главным оружием воздушных кораблей «Илья Муромец» были бомбы, которые размещались в фюзеляже на внутренней подвеске, что в отличие от внешней подвески не ухудшало аэродинамику самолета. Первые «Муромцы» типа «В» с двигателями «Арзус» могли брать на борт до 500 кг бомб. Преимущественно использовались бомбы фугасные, осколочные и зажигательные от 16 до 160 кг каждая. Осенью 1915 года на «Муромце-В» впервые в мире была поднята учебная бомба весом 410 кг. В качестве прицела вначале использовались простейшие визирные устройства. Позже появились более сложные приспособления, такие, как «ветрочет» А.Н. Журавченко. Летчиками и артиллерийскими офицерами ЭВК под руководством подполковника Наумова и капитана Журавченко была тщательно проработана тактика применения тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец», методика бомбометания, поражения точечных и площадных мишеней, узловых тыловых и фронтовых объектов противника. Для проведения аэрофотосъемки на самолетах устанавливались фотоаппараты системы Поте. Кроме бомбового вооружения, «Муромцы» имели и мощное стрелковое – пулеметы и карабины. Первое время на борт брали 1–2 пулемета. А с появлением у неприятеля истребителей, число пулеметов на борту возросло. На первых «Муромцах» испытывались даже 37-мм корабельные пушки и опытная 75-мм безоткатная пушка. Но применения из-за громоздкости и малой точности они не нашли. Кроме того, во второй половине 1917 года в ЭВК разрабатывалась «воздушная торпеда» – подвешиваемый под фюзеляжем дистанционно управляемый микросамолет с боевым зарядом. В качестве индивидуальной защиты членов экипажа на «Муромцах» устанавливались бронированные сиденья, а пилоты имели бронезилены и каски. В ограниченном количестве в ЭВК

использовались ранцевые парашюты Котельникова. В качестве средств обеспечения эскадра обзавелась уникальным наземным оборудованием и первыми аэродромными автомобилями [1. С. 26].

Летчики ЭВК (слева-направо):

Н.В. Сиротин (механик), Г.И. Лавров, А.В. Панкратьев, Лойко (сидит), Г.В. Алехнович, А.П. Чечулин, А.М. Констанчик, Кржичковский, Лукинский, Кисель (механик), А.В. Середницкий, И.И. Сикорский (с фотоаппаратом), А.С. Павлов. Аэродром Яблонна, лето 1915 г.

В начале мая 1915 года на Варшавском направлении сложилось серьезное положение. Ввиду явной угрозы базе эскадры со стороны германских войск было решено основную ее часть эвакуировать, оставив только боевые корабли, которые должны были до последнего участвовать в военных действиях, а затем перелететь на соседний аэродром в Лиду. Базирование там оказалось кратковременным, и в августе началось перемещение ЭВК под Псков, поскольку для 8 боевых и 2 учебных кораблей белорусский аэродром оказался тесен. Тогда же было принято решение об организации 2-го боевого отряда для действий на Рижском направлении. Место базирования ему определили в 30 км южнее Риги, близ станции Зегевольд. 20 сентября 1915 года приказом командира эскадры официально было объявлено о формировании 2-го боевого отряда в составе 7 воздушных кораблей под командованием морского летчика лейтенанта Г.И. Лаврова [3. С. 45–46].

СПРАВКА:

Лавров Георгий Иванович родился в 1889 году в семье вице-адмирала Ивана Михайловича Лаврова и Елены Александровны Берх, дочери инженер-генерала. Являлся однокашником по Морскому кадетскому корпусу и лучшим другом известного

русского авиационного конструктора самолетов Игоря Ивановича Сикорского (1889–1972). Георгий Иванович – один из первых русских морских летчиков (экзамен на летчика сдал 8 апреля 1913 г.), лейтенант. Служил на Балтийском и Черноморском флотах в званиях: корабельный гардемарин (1909 г.) и мичман (1910 г.). С первых дней службы был ближайшим соратником И.И. Сикорского в создании морских самолетов-амфибий. В 1914 году вместе с ним совершил перелет Петербург–Киев и обратно. 4 января 1915 года перевелся из морской авиации в ЭВК. В январе 1915 года возглавил экипаж воздушного корабля «Илья Муромец-I», а затем последовательно 2-й и 1-й боевые отряды ЭВК. Стал одним из лучших летчиков и командиров ЭВК.

С наступлением зимы в полетах 2-го боевого отряда наступил перерыв, который был связан с ухудшением погоды. Сильные ветры и обильные осадки выводили из строя деревянные корабли с полотняной обшивкой более эффективно, чем вражеские налеты. Погода нормализовалась лишь к началу февраля. Г.И. Лавров использовал любое летное время для выполнения операций и совершенствования тактических приемов экипажей отряда.

Обнаружив, что, опасаясь дневных бомбардировок, немцы скрытно перебрасывают войска по ночам, в феврале 1916 года командир первым в отряде освоил ночные боевые вылеты. По его указанию были заготовлены костры-светильники на санках. С вечера в соответствии с направлением ветра намечалась посадочная полоса и расставлялись костры. По сигналу с наблюдательного пункта их зажигали из расчета, что они должны были гореть до 15 минут. Считалось, что этого времени должно было хватить для посадки корабля с учетом повторного захода. Но сначала Г.И. Лавров решил опробовать взлет и посадку в полнолуние без освещения. Для сигнализации он взял с собой ракетницу и приказал зажигать костры только когда он выпустит ракету. Пришлось сделать освещение приборов на корабле при помощи маленьких

Старший лейтенант
Лавров Георгий
Иванович

лампочек и батареек. 7 февраля состоялся первый вылет Г.И. Лаврова. Сделав два круга над аэродромом, он выпустил ракету, после чего загорелись костры. Посадка получилась отличная. Командир рассказал, что сверху видимость замечательная, и огни населенных пунктов видны далеко. На следующий день экипаж Г.И. Лаврова вылетел на ночную бомбардировку, взяв с собой 5 бомб, 2 пулемета и запас горючего на 3 часа полета. В ночных условиях, чтобы одновременно были видны цель и нить прицела, обычным прицелом пользоваться было трудно. Поэтому пилоты сбросили бомбы по освещенной станции в районе Митавы. Ее огни погасли сразу после взрывов бомб. Посадка при свете ко-

стров была совершена удачно. В ре-

зультате в ночном налете экипажа Г.И. Лаврова 4 из 5 вражеских составов, прибывших на станцию Митава, были изрядно повреждены [2. С. 240–241].

В период боев 2-й отряд ЭВК взаимодействовал не только с сухопутными войсками. Так, в августе 1916 года Г.И. Лавров, которому 30 июля было присвоено очередное воинское звание старший лейтенант, получил телеграмму от командира дивизиона эсминцев Балтфлота, охранявших вход в Рижский залив, с просьбой подвергнуть огневому воздействию немецкую базу гидросамолетов, располагавшуюся на озере Ангерн. 23 августа 4 воздушных корабля «Илья Муромец» строем ушли на задание. Состоялся первый в истории групповой налет тяжелых бомбардировщиков на противника. Во время бомбежки самолеты подверглись безуспешным атакам немецких истребителей. В результате завязавшегося боя «Муромцы» уничтожили свыше 7 вражеских аэропланов и поразили все наземные цели. На восстановление базы противнику понадобилось несколько недель. В дальнейшем экипажи отряда Г.И. Лаврова неоднократно повторяли налеты на Ангерн, громили боевые цели в полосе Северного фронта. Почти в каждом вылете они встречались с аэропланами противника и не раз выходили победителями из воздушных поединков.

Подготовка воздушного корабля
«Илья Муромец» к боевому вылету

Но недолгим оказался боевой путь отважного летчика Г.И. Лаврова. 28 апреля 1917 года, когда ЭВК действовала на юге против австро-венгерских войск, в истории эскадры воздушных кораблей произошел один из наиболее печальных дней. В небе над своим аэродромом, недалеко от д. Микулинцы (ныне – город в составе Терновлянского района Тернопольской области Украины) потерпел катастрофу «Муромец-1» под командованием командира 2-го отряда. Бомбардировщик вылетел на задание и ввиду большого количества немецких батарей, обстреливавших русские самолеты, набирал высоту более 3000 м над расположением наших войск, но неожиданно рухнул на землю. Весь экипаж из 6 авиаторов (командир – старший лейтенант Г.И. Лавров, помощник – военлет поручик Витковский, штурман – лейтенант Шокальский, артофицер – подъесаул Отрешко, пулеметчик – прапорщик Балашов и старший моторист – ст. унтер-офицер Сафронов) погиб. Их тела перевезли в Винницу, где торжественно похоронили. Над траурной процессией, провожая в последний путь своих боевых товарищей, в тот день летали 2 «Муромца», 1 «Буазен» и 3 «С-16» [2. С. 280].

По материалам расследования этой авиакатастрофы ее обстоятельства выглядели следующим образом. Когда Г.И. Лавров вылетел на задание и обнаружил большое количество немецких батарей, усиленно обстреливавших русские воздушные корабли, ему пришлось набирать высоту вблизи своего аэродрома более 3000 м над расположением наших войск. Мотористы, наблюдавшие за полетом его корабля, видели, что с ним что-то

Корабль «Илья Муромец-1» старшего лейтенанта Г.И. Лаврова после катастрофы. Район д. Микулинцы, 29 апреля 1917 г.

случилось, так как «Муромец» неожиданно стал пикировать, а затем перешел в отвесный штопор при невероятном гудении моторов. Потом самолет начал разваливаться, от него стали отделяться какие-то куски и стойки крыльев. В этот момент моторы перестали гудеть, а корабль стремительно продолжил падение до самой земли. После гибели экипажа в отряде была создана летучая комиссия, которая фотоснимками зафиксировала гору обломков, оставшихся от некогда тяжелой машины.

Комиссия выдвинула первую версию случившегося: причиной гибели корабля могла быть недостаточная опытность или даже растерянность поручика Витковского, труп которого был найден у штурвала разбившегося «Муромца». Очевидно, что когда поручик вел корабль, то на вираже допустил скольжение, не выключив моторы, в результате чего корабль вошел в штопор. Скорость быстро возросла, и конструкция машины не выдержала. Первая вылетела подкосная стойка, что видели мотористы с земли, и самолет стал постепенно разваливаться в воздухе. После этого моторы были кем-то выключены, но это уже не помогло [3. С. 63].

Согласно второй версии, произошла диверсия со стороны противника, так как первая вылетевшая деревянная стойка крыла оказалась до половины подпиленной. Какой-то неизвестный ослабил эту стойку и удерживавшие ее тросы. Этот ущерб мог бы быть предотвращен, если бы штатный механик «Муромца» М.Ф. Шидловский (однофамилец начальника ЭВК), который всегда тщательно обследовал самолет перед каждым вылетом, находился на службе. Однако в тот день

Служ. управл. воен. воздуш. сил. от 8/VI-
9172. № 16812-66249
1. Начк. и. д. Н. к. Оскар. Воздушн. Крест. воен.
Лейт. Пономов..... от 6/IX-172. № 14733-4925

Ана справка 10/IX-237.
Здравств. 11/IX-237. № 603.

1. С. С. 172. № 44.
1. Дем. 2-м. в. к. № 7402-771.

1/5 C. 17 N 44.
1/5 Dms 2 cm. C. 17 N 7402-771

1286
40

Сиротин-Майор Улигубов

он оказался болен и помещен в госпиталь. При этом офицеры экипажа, отправлявшиеся на боевое задание, могли просмотреть такую вещь, как ослабленная стойка или даже удаленная гайка. Тем не менее, по итогам гибели экипажа была создана комиссия, которая использовала этот трагический случай для проверки расчетов прочности и аэродинамических качеств всех «Муромцев» ЭВК [11].

В ходе работы над статьей автору удалось установить ряд неточностей в освещении героической биографии Г.И. Лаврова. Так, был найден архивный документ [13], подтверждающий точную дату гибели командира отряда – 29 апреля 1917 года (по другим, непроверенным источникам, считалось 28 апреля 1917 г.)

Кроме того, был уточнен перечень орденов, которых был удостоен старший лейтенант Г.И. Лавров: орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (одним приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 13 ноября 1915 г. № 243), а также орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом «за отличие в делах против неприятеля» (приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 27 сентября 1916 г. № 1323) [8]. И, наконец, в архиве обнаружен наградной лист на Г.И. Лаврова, составленный и подписанный начальником ЭВК генерал-майором М.В. Шидловским в 1915 г. Согласно ему, до этого представления лейтенант Г.И. Лавров наград не имел [14], как не имел и встречающихся в разных источниках ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия.

Всего за период участия в Первой мировой войне, в 1915–1918 гг. ЭВК совершила 400 боевых вылетов, сбросила на противника 65 т бомб и уничтожила 12 вражеских истребителей, потеряв в воздушных боях лишь 1 самолет «Илья Муромец» (корабль XVI поручика Д.Д. Макшеева). До революции (1917 г.) в нашей стране было построено более 80 таких самолетов 36 модификаций. В Советской России «Муромцы» продолжили свою службу на гражданском поприще, совершая в 1920–1921 годах полеты на первых воздушных почтово-пассажирских линиях: Москва–Ташкент, Москва–Баку, Москва–Харьков [7].

До наших дней ни один из самолетов «Илья Муромец» ни в России, ни за рубежом не сохранился. Вместе с тем Центральный музей Военно-воздушных сил обладает единственным в мире полномас-

штабным макетом четырехмоторного цельнодеревянного тяжелого бомбардировщика С-22 «Илья Муромец». Этот образец является памятником науки и техники Российской Федерации и хранится в ангаре «Уникальные летательные аппараты».

Данный «Муромец» был построен в 1978 году по заказу киностудии «Мосфильм» специально для съемок художественного фильма «Поэма о крыльях» (режиссер Д. Храбровицкий). Картина вышла на экраны страны в 1979 году и рассказывает о жизни и творчестве авиаконструкторов И.И. Сикорского и А.Н. Туполева.

История создания макета хорошо описана в статье Ю. Грант, которая была напечатана в латвийском журнале «Класс» за май 2009 года [11]. Из нее следует, что за полгода и 300 тысяч рублей рижане из студенческого конструкторского бюро Рижского института инженеров гражданской авиации сделали то, на что фирме Туполева потребовалось бы два года и 1,5 миллиона рублей. Процесс изготовления копии самолета разделили на части. Крылья делала одна группа, хвостовое оперение – другая, фюзеляжем занималась третья. Разумеется, в процессе было задействовано множество людей, однако значительный вклад в постройку макета и работу на съемках фильма внесла группа, которая занималась фюзеляжем. В нее входили три студента Рижского института гражданской авиации – Юрий Прибыльский, Сергей Щукин и Андрей Сипкевич.

Работа велась по чертежам, которые изготовили на вертолетной фирме М. Миля и переносились на месте для обеспечения прочности и точности постройки секций фюзеляжа. Эта работа оказалась весьма сложной, поскольку длина фюзеляжа проектируемого самолета достигала 22 м, а размах крыльев – 30 м. Кроме того, необходимо было обеспечить возможность разборки макета на части для перевозки к месту проведения съемок. Окончательная сборка перед отправкой заказчику производилась в большом ангаре колхоза «Накотне», что недалеко от г. Елгавы.

«Илью Муромца» образца 1978 года построили и собрали в срок. Его оснастили поршневыми двигателями Walter M337 (210 л.с.). Эти моторы выпускал чешский завод AVIA. Поднять с их помощью макет в воздух было невозможно, но рулить и совершать пробежки по аэродрому – сколько угодно, лишь только успевая ремонтировать расчалки – тонкие тросы, предназначенные для соединения

Сборка макета «Илья Муромец»
в ангаре латвийского колхоза «Накотне», 1978 г.

частей конструкции самолета и предания жесткости крыльям. Проблема же заключалась в том, что группа, отвечавшая за изготовление крыльев, не пожалела дерева, и они получились раз в пять тяжелее настоящих. Как только начались пробежки, расчалки не выдерживали и лопались. Отсюда постоянно возникала потребность в их ремонте. Следующая проблема появилась тогда, когда участники съемок осознали, что «Илья Муромец» никак не мог быть оснащен современными трехлопастными металлическими воздушными винтами. Пришлось срочно делать деревянные аналоги. Чтобы не сорвать график съемок, потребовалось за неделю вручную изготовить четыре огромных двухлопастных воздушных винта диаметром 2,5 м. Операции по разработке деревянного винта требовали физической силы и их доверили С. Щукину. Тонкие работы – доводку рашпилем, оклейку стеклотканью и шлифовку контуров выполнял А. Сипкевич. Ю. Прибыльский осуществлял общее руководство и контроль (при помощи карандаша и линейки), чем немало раздражал коллег. Кроме того, после установки свежизготовленных пропелле-

ров выяснилось, что Ю. Прибыльский неверно определил направление вращения винтов, в результате чего двигатели тянули макет назад. Правильно изготовленные воздушные винты должны были охлаждать двигатели. Но пробегка на таких деревянных винтах была невозможна – двигатели перегревались. Однако переделывать эти пропеллеры не пришлось. Их использовали в сценах с неработающими двигателями, а с работающими – применялись металлические винты. Остается добавить, что после навески съемного переднего балкона с прожектором макет превращался из «Ильи Муромца» в «Русского витязя». Тем не менее, изготовленный рижанами макет съемки фильма выдержал. Потом его разобрали и перевезли на Кубу, где еще раз собрали для нескольких кадров фильма из «американского» этапа жизни И.И. Сикорского. После съемок «Муромец»

Церемония приема макета самолета «Илья Муромец»
в Музее ВВС. Монино, 1979 г.

экспонировался на ВДНХ, в Москве. В том же 1979 году макет легендарного тяжелого бомбардировщика поступил в Музей ВВС, а с 1986 года, после восстановительного ремонта, был поставлен в экспозицию.

Ю.Г. Козлов, научный сотрудник ЦМ ВВС,
кандидат военных наук

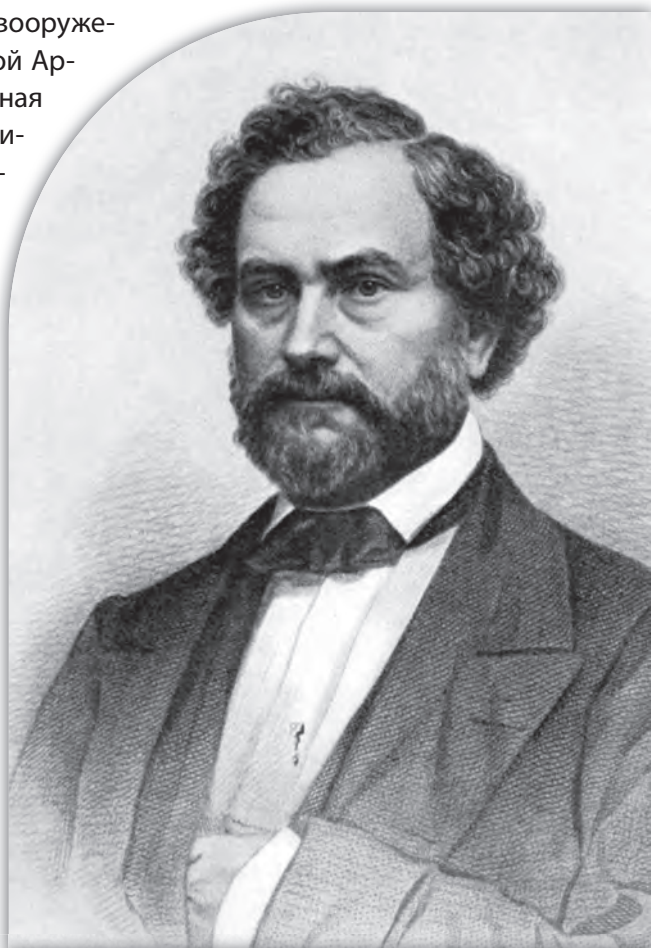
Макет самолета «Илья Муромец» в экспозиции ЦМ ВВС «Уникальные летательные аппараты»

Список использованной литературы

1. Дальняя авиация. Первые 90 лет. – М.: Полигон Пресс, 2004. 383 с.
2. Никольский С.Н., Никольский М.Н. Бомбардировщик «Илья Муромец» в бою. – М.: Яуза, 2008. 382 с.
3. Никольский М.Н., Солнцев В.Д. Зарождение тяжелой авиации // Авиация и космонавтика, 1995. Вып. 9. С. 2–80.
4. Казашвили В.Г. Авиация. Сила, мощь и слава России. – Монино, 2007. 73 с.
5. Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. 100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 годы). – М.: Фонд «Русские Витязи», 2012. 792 с.
6. Военная литература (Военная история). Финне К.Н. Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского (Электронный ресурс) / Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/finne_kn2/index.html (дата обращения 02.03.2021).
7. Военная литература. Катышев Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского (Электронный ресурс) / Режим доступа: militera.lib.ru (дата обращения 10.03.2021).
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. Списки офицеров, представленных к наградам. Документы 243, 1323.
9. Лавров Г.И. Офицеры русской императорской армии (Электронный ресурс) / Режим доступа: ria1914.info (дата обращения 09.03.2021).
10. Шидловский М.В. Офицеры русской императорской армии (Электронный ресурс) / Режим доступа: ria1914.info (дата обращения 10.03.2021).
11. Музей РКИИГА–РАУ. Поэма о крыльях. Рижский вариант (Электронный ресурс) / Режим доступа: rkiigarau.lv.ru (дата обращения: 01.03.2021).
12. Последние два года войны. Развал Эскадры (Электронный ресурс) / Режим доступа: military.wikireading.ru (дата обращения 16.03.2021).
13. РГВИА. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Номерящика 7479-К.
14. РГВИА. Ф. 203. Оп. 2. Д. 996. Л. 45.

ТАЙНА ВИНТОВКИ КОЛЬТА

29 декабря 1959 г. в инвентарной книге фонда вооружения и техники Центрального музея Советской Армии под номером 2893 появилась новая учетная запись. Приведем ее дословно в соответствии с лексикой той поры: «Ружье курковое с 6-ти зарядным барабаном. На стволе выгравирована надпись: «To his Excellency Prince Wasciltchikoff Minister of war from the Inventor Col» и все. Дополнительно был указан только источник поступления: «Артиллерийская инженерная академия им. Ф.Э. Дзержинского», а также наименования и даты сопроводительных документов. 60 лет назад на этот музейный предмет никто даже не обратил внимания, не говоря уже о том, чтобы заняться его изучением. Причин этому было несколько. Во-первых, в коллективе музея не было сотрудников, владеющих иностранными языками. Поэтому англоязычная дарственная надпись не была прочитана и переведена в момент постановки на учет этого военно-исторического памятника. Во-вторых, историей капсюльного оружия в России XIX в. в музее никто не занимался. Шесть десятилетий назад приоритет отдавался изучению образцов стрелкового оружия конструкторов советского времени и документированию подвигов применявших его наших солдат в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Поэтому раскрыть историческую значимость экспоната под

Самюэль Кольт

Капсюльная револьверная винтовка Кольта образца 1855 г. Вид справа

Капсюльная револьверная винтовка Кольта образца 1855 г. Вид слева

Заводской номер оружия «7»
выбит на спусковой скобе

инвентарным номером 2893 и ввести его в научный оборот довелось лишь спустя много лет после поступления его в музей.

Внимание современных работников музея он привлек своим необычным видом. Вся его конструкция с архаичным капсюльным воспламенятельным механизмом однозначно указывала на время происхождения этого оружия, датируемое серединой XIX в. Вскоре многозарядное ружье было идентифицировано как американская 14,22-мм пехотная капсюльная револьверная винтовка Кольта образца 1855 г. В средней части этого оружия имела цельная металлическая рамка, в которой помещался поворотный барабан с каморами для пороховых зарядов и пуль, туго забиваемых туда при помощи поворотного рычага, расположенного снизу под цевьем винтовки. Казенная часть барабана снабжалась запальными брандтрубками, на которые перед выстрелом надевались свинцовые капсюли с иницирующим веществом. Удары курка по ним последовательно воспламеняли заряды в каморах барабана. Причем конструкция механизма курка обеспечивала при его взведении ограниченный поворот барабана строго на одну камору и совмещение ее передней части с казенником ствола.

Установить и проследить историю создания и применения этого оружия для специалистов музея не составило большого труда. Вобравшая в себя уже испытанные в револьверах конструктивные решения, приспособленные для применения в длинноствольном пехотном оружии и усовершенствованные главным механиком кольтовского оружейного предприятия Элайшей Руттом, капсюльная револьверная винтовка 1855 г., состоявшая на вооружении северян, неплохо показала себя в первых боях североамериканской Граждан-

ской войны 1861–1865 гг. Например, полк под командованием Хайрема Бердана целый год использовал это оружие в боях. Причем варианты ружей для наиболее метких стрелков снабжались длинными оптическими зрительными трубками-прицепами, позволяющими уверенно поражать цели на расстоянии 500 м. В ходе боев наряду с сильными сторонами оружия выявились его серьезные недостатки. Винтовки оказались травмоопасными.

Каморы барабана винтовки заряжались
специальным рычагом. На фото:
рычаг в положении заряжания

Случалось, что в момент выстрела происходило единовременное воспламенение всех зарядов в барабане. В результате солдат получал ранение, а оружие ломку. Именно поэтому капсюльная револьверная винтовка Кольта в армии северян эксплуатировалась всего в количестве 4435 единиц. Выпуск оружия продолжался недолго и в 1864 г. был прекращен. Однако Самюэль Кольт не был бы преуспевающим бизнесменом, если бы ограничивал свои интересы только американским рынком. Еще до Гражданской войны в США ему удалось организовать производство и сбыт своих револьверов в Великобритании и обратить коммерческий взгляд на восток – на Россию. В случае успеха он мог рассчитывать на огромные оружейные заказы крупнейшей армии Европы. Поэтому с 1854 по 1858 г. он трижды приезжал в Россию. Особенно эффективным был его первый визит 11 ноября 1854 г., когда после аудиенции с императором Николаем I, по мнению американских исследователей, ему удалось получить заказ на 5000 поясных капсюль-

ных револьверов и заключить договор на 25000 нарезных ружей с капсюльным воспламенительным механизмом. Однако в отечественных исторических архивах документальных свидетельств, подтверждающих этот факт, пока не обнаружено. Наверняка не о погоде целый час беседовал с ним государь России, воюющей тогда с целой коалицией европейских государств во главе с Англией и Францией. Эти косвенные признаки становятся подтверждением того, что Кольту удалось перетянуть чашу весов в свою пользу, а благодарность царя, выраженная ему в дарении двух перстней, богато украшенных бриллиантами, подтверждала это. В качестве своего подарка Кольт оставил в России целое семейство украшенных гравировкой и золотом револьверов для Великих князей, сыновей императора, и самого Николая I, которые сегодня хранятся в Санкт-Петербургском Эрмитаже.

Через два года Кольт снова посетил Россию. Теперь уже в статусе молодого супруга, совершая с женой Элизабет европейское свадебное путешествие. Пребывая на мероприятиях по случаю

Взведенное положение курка перед выстрелом

коронации сына Николая I Александра, семейная чета из Америки отмечала великую щедрость организаторов торжеств. Особенно их поражало количество заготовленных съестных припасов. Ведь во время коронации предполагалось израсходовать 3000 пудов ветчины, 900 пудов колбасы и 65 000 пирогов, а из 8 фонтанов, выстроенных на Ходынском поле в Москве, должно было струиться вино. Причем все эти яства предназначались простоявшим. Столь большое изобилие укрепляло сознание Кольта в необходимости вести и развивать бизнес в России, несмотря на то, что в этот

Князь Виктор Илларионович Васильчиков

раз ему не удалось встретиться с новым русским императором и обсудить интересующие его вопросы. Поэтому в конце лета 1858 г. американский оружейник снова прибыл в Россию. Главной целью его поездки было лоббирование выпускаемых им капсюльных револьверов и револьверных винтовок военного назначения. Для успеха мероприятия он подготовил целую коллекцию оружейных подарков Александру II и его братьям Великим князьям Константину, Михаилу и Николаю. Многие из них сохранились в уже упомянутом Эрмитаже, а подарочное оружие Николая, по мнению местных историков, спустя многие годы было утрачено.

От своего предприятия Кольт предвкушал большой эффект. Но в отличие от своего отца император Александр не удостоил американского предпринимателя аудиенции. Вполне возможно,

Дарственная надпись Самюэля Кольта была выгравирована на хвостовике ствольной коробки винтовки

Музейная винтовка Кольта в руках одного из сотрудников музея

что общение с ним он передоверил высокопоставленным чинам военного ведомства. Косвенным подтверждением этого является хранящаяся в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации капсюльная револьверная винтовка образца 1855 г. за № 7, являющаяся подарком Управляющему делами Военного Министерства, товарищу (заместителю) военного министра генерал-лейтенанту князю Василию Илларионовичу Васильчикову. Имеющаяся на оружии дарственная надпись подчеркивает факт дарения винтовки. Правда, В.И. Васильчиков фигурирует в ней как военный министр. Вероятно, заокеанский промышленник слабо разбирался в структуре и схемах подчиненности в русском военном ведомстве. Возможно, Кольт и не знал, что в этой должности с 1856 г. находился генерал-адъютант Николай Онуфриевич Сухожанет. Другая, не менее вероятная версия заключается в том, что ошибка произошла на стадии перевода и была окончательно закреплена гравером на оружии.

К сожалению, до настоящего времени не удалось обнаружить документальные свидетельства физической встречи дарителя и получателя по-

дарка. Но, безусловно, то, что хранящаяся в музее винтовка относится к той же подарочной серии для Александра II и его братьев из Санкт-Петербургской эрмитажной коллекции. Это подчеркивает и схожесть их заводских номеров (9, 10, 11) с производственным номером нашей винтовки.

В итоге щедрые подарки Самюэля Кольта не помогли ему выйти на оружейный рынок России, что оказалось, в общем-то, к лучшему. Ведь выпускаемое им капсюльное револьверное длинноствольное пехотное оружие не обладало достаточной надежностью и эффективностью.

Этой статьей авторы впервые вводят в научный оборот сведения о коллекционной капсюльной револьверной винтовке образца 1855 г. № 7 из собрания Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации.

С.Е. Плотников,
старший научный сотрудник ЦМВС РФ,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
А.Г. Крапивной,
младший научный сотрудник ЦМВС РФ

Военно-политические итоги и международное значение БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД

Блокадный Ленинград

В подписанном Гитлером плане «Барбаросса» Ленинград значился одним из главных стратегических пунктов, с падением которого нацистские главарь связывали свое безраздельное господство на Балтике и надежное обеспечение развития наступления на главном – московском стратегическом направлении.

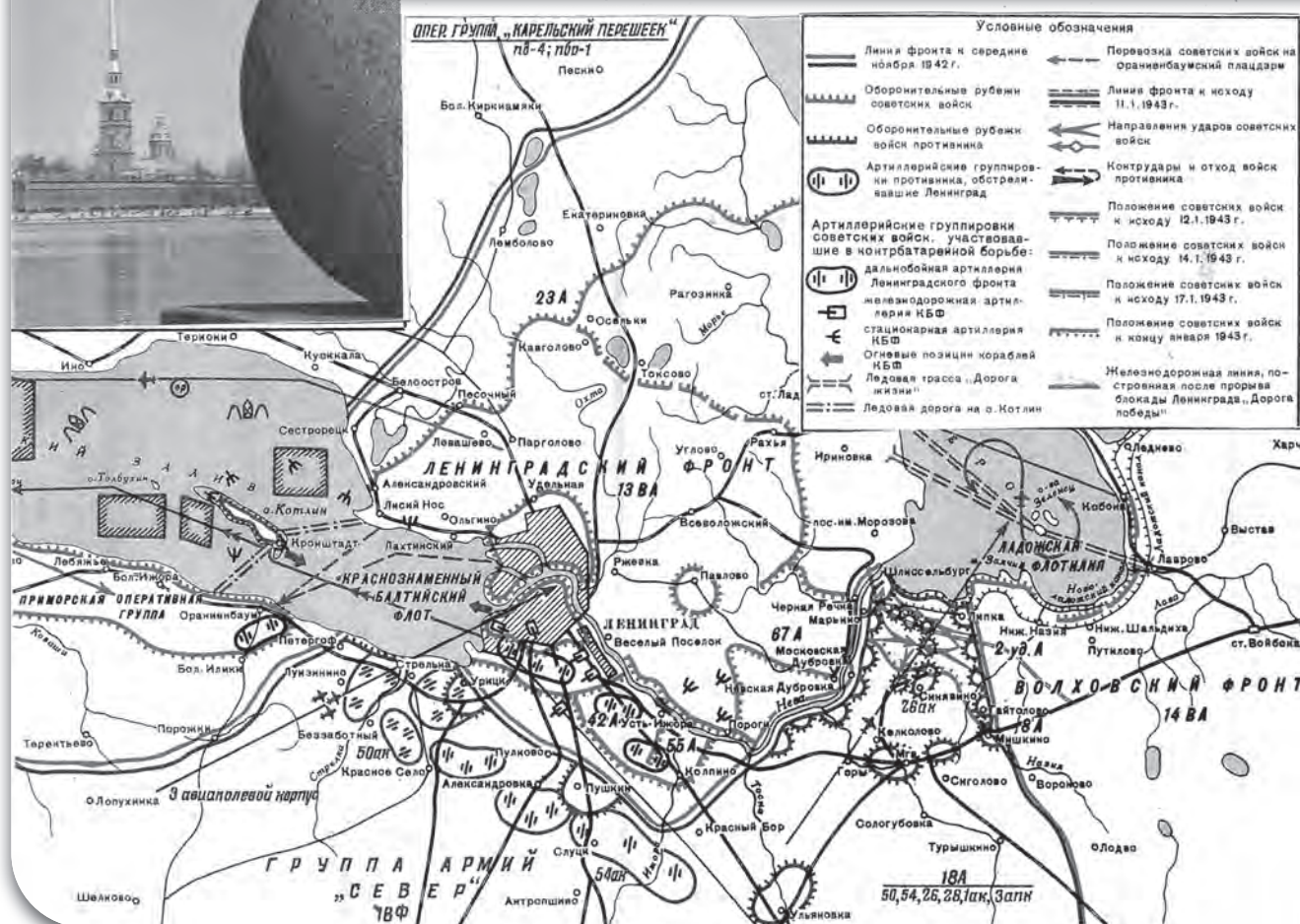
Никто из высших политических и военных руководителей фашистской Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград получит быстрое развитие, завершится без каких-либо существенных осложнений. Однако, вопреки расчетам врага, уже на дальних подступах к Ленинграду, особенно на лужском оборонительном рубеже, протяженностью 250 км, проходившем от Финского залива до оз. Ильмень, развернулись ожесточенные бои.¹ Зачастую они не имели пауз, длились сутками, доходили до рукопашных схваток, а на той части территории Ленинградской области, которая подверглась временной оккупации, разгорелось пламя партизанской борьбы.

Плечом к плечу с воинами сражались против ненавистного врага ополченцы. Ленинград в минимально короткие сроки направил на фронт десять дивизий народного ополчения, несколько истребительных полков и артиллерийско-пулеметных батальонов.²

Свыше полумиллиона ленинградцев нередко под бомбежкой возводили оборонительные сооружения. Это был воистину колоссальный труд: сотни километров траншей, противотанковых рвов, проволочных заграждений и лесных завалов, тысячи долговременных и деревоземляных огневых точек.

Судьба города была судьбой его жителей, и потому каждый трудился, забыв о нормальном отдыхе, каждый считал своим святым долгом внести лепту в укрепление обороны. На сокращенной производственной базе, оставшейся после эвакуации многих предприятий, ленинградские рабочие производили танки, бронепоезда, пушки, минометы, пулеметы, автоматы, боеприпасы, вос-

Блокадный Ленинград – карта

становили поврежденное вооружение, делали все, в чем нуждались войска.

В грозные военные годы город на Неве предстал перед всем человечеством несокрушимой крепостью великой страны, воплощением небывалого патриотизма, непревзойденной выдержки и массового героизма на фронте и в тылу.

Пример ленинградцев имел огромное морально-политическое значение для всех тех, кто с оружием в руках встал на защиту Родины. Героический образ бойцов и тружеников Невской твердыни стал символом непобедимости и стойкости советских людей.

В битве за Ленинград, как и в других битвах Великой Отечественной войны, с особенной силой и глубиной раскрылись замечательные качества людей, их беспредельная любовь к Родине, вера в торжество правого дела, упорство и бесстрашие в тяжелой борьбе с врагом.

На протяжении трех лет Ленинград был городом-воином, городом-фронтом. Суровые испытания выпали на долю ленинградцев. Им пришлось выдержать многочисленные атаки врага, пере-

жить невероятные трудности и лишения блокады, пройти через тысячи смертей. Однако несгибаемая воля советских людей оказалась во много раз сильнее всех попыток немецко-фашистских захватчиков, рассчитывающих сломить ее. В суровой и неслыханно тяжелой борьбе защитники не только отразили многочисленные удары превосходящих сил врага, но и нанесли ему решительное поражение.

Политическое и стратегическое значение битвы за Ленинград переоценить невозможно. Именно в ней войска Ленинградского (до 23 августа 1941 года – Северного), Северо-Западного фронтов и 7-й отдельной армии при содействии сил Балтийского флота в ходе Ленинградской стратегической оборонительной операции к 25 сентября остановили наступление группы армий «Север».³ Все ее попытки прорваться через Неву навстречу финским войскам, а также продвинуться вдоль шоссе Москва – Ленинград и штурмом овладеть городом оказались безуспешными. В конце сентября фронт под Ленинградом окончательно стабилизировался. План врага по захвату города с ходу потерпел

крах, а это повлекло за собой и срыв намерений противника повернуть основные силы группы армий «Север» для наступления на Москву.

Срыв плана вражеского захвата Ленинграда явился одним из крупнейших событий первых трех месяцев тяжелой, кровопролитной войны. Неожиданный для группы армий «Север» поворот событий под Ленинградом имел далеко идущие последствия. Гитлеровская стратегия «молниеносной» войны, составлявшая основу всех предыдущих кампаний в Европе, на советско-германском фронте оказалась несостоятельной. Уже в Смоленском сражении она дала первую трещину, которая значительно расширилась и углубилась у стен Ленинграда, а в осенних сражениях под Москвой потерпела окончательный крах.⁴

Упорная оборона советских войск под Ленинградом внесла существенные поправки в планы немецкого командования. Вместо ожидавшегося быстрого высвобождения части войск группы армий «Север» потребовалось ее значительное усиление. Какой-либо маневр войсками с ленинградского на московское направление был исключен.

Не сумев реализовать свои планы по захвату Ленинграда с юга, немецко-фашистское командование решило 16 октября нанести удар силами двух корпусов 16-й армии в направлении Будогощь, Тихвин, Лодейное Поле, выйти к р. Свирь, соединиться здесь с финскими войсками и замкнуть внешнее кольцо блокады Ленинграда.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, противник, обладавший численным превосходством, 8 ноября захватил Тихвин и вплотную приблизился к Волхову. Тем самым перерезал последнюю железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, направляемые затем водным путем в осажденный город. Но это был последний успех врага.

Фашистскому командованию не принесло радости это продвижение. Немецкие войска были основательно измотаны изнурительными боями в лесисто-болотистой местности. Растянутые на фронте свыше 350 километров от Мги через Волхов, Тихвин до Новгорода, они подвергались непрерывным ударам наших войск.⁵ Эти удары создавали предпосылки для перехода в контрнаступление. Оно последовало после соответствующей подготовки, начиная с 10 ноября по мере их готовности. 20 ноября 52-я армия овладела Малой Вишерой, а 9 декабря 4-я армия – Тихвином.

К концу декабря 54-я армия Ленинградского фронта отбросила немецкие войска за железную дорогу Мга – Кириши, а войска Волховского фронта вышли к р. Волхов и захватили несколько плацдармов на ее левом берегу, отбросив немецко-фашистские войска на рубеж, с которого они начали наступать на Тихвин.

Поражение немецко-фашистских войск под Тихвином, позволившее вновь эксплуатировать важный участок Северной железной дороги до ст. Войбокало, спасло от голодной смерти в Ленинграде тысячи людей и повысило жизнеобеспеченность города и боеспособность войск фронта и сил флота.

Однако условия жизни и работы в блокированном Ленинграде становились все труднее. В ноябре начался голод, вызвавший большую смертность городского населения.

Враг злорадствовал, ему казалось, что дни Ленинграда, скованного необычайно суровыми морозами, лишённого воды и света, регулярного подвоза продуктов питания, сочтены. Ф. Гальдер записал 10 декабря в «Военном дневнике»: «Ленинград постепенно приближается к своему падению»⁶. Но ленинградцы самоотверженно преодолевали неимоверные лишения, с яростью, порожденной жгучей ненавистью к фашистским извергам, отдавали все силы борьбе. С 22 ноября начала действовать ледовая «Дорога жизни». Ее создание явилось одним из наиважнейших мероприятий, призванных облегчить положение города и его населения, обеспечить войска фронта и флота всем необходимым для ведения боевых действий. Днем и ночью непрерывным потоком, нередко под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, шли в Ленинград автомашины, груженные продуктами питания, медикаментами, топливом, техникой, боеприпасами. Обратными рейсами эти машины увозили женщин, детей, стариков, раненых и больных. За период с ноября 1941 года по апрель 1942 года по ледовой трассе было перевезено свыше 361 тысячи тонн грузов, более 3/4 которых составляли продовольствие и фураж.⁷

Исключительно важное значение в общей вооруженной борьбе с фашистской Германией принадлежало битве за Ленинград и в последующие годы. Наступательные действия войск Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов летом и осенью 1942 г. оказали большое влияние на ход оборонительных сражений в междуречье Дона и Волги и на Северном Кавказе. Противник не мог снять и перебросить из-под Ленинграда ни

одного соединения на южный фланг советско-германского фронта, где немецко-фашистские войска испытывали острый недостаток в резервах. Высокая активность советских войск на северо-западном направлении и на других участках советско-германского фронта лишила фашистское командование свободы маневра силами, держала его в постоянном напряжении.

Характеризуя обстановку и положение немецких групп армий «Север» и «Центр» к осени 1942 г., начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник К. Цейтцлер пишет: «... Прогнозы на будущее были не слишком безоблачными... на фронте этих двух групп армий имелся ряд потенциально опасных участков, особенно в районе Ладожского озера, северо-восточнее Ленинграда и Демянского мешка...».⁸

Немецко-фашистское командование вместо того, чтобы максимально усилить свои группировки, решавшие главную задачу летне-осенней кампании 1942 г. по захвату Сталинграда и Кавказа, было вынуждено для отражения ударов советских войск на северо-западном направлении

Операция «Искра» через Неву, январь 1943 г.

перебросить в августе-сентябре 1942 г. в состав группы армий «Север» с южного фланга советско-германского фронта 6 дивизий (в том числе одну танковую) вместе с управлением 11-й армии и несколько дивизий из Западной Европы, а также крупные силы дальнбойной артиллерии и авиации.⁹

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

I.

УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ЮЖНЕЕ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА И ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших г. Ленинград.

Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду г. Ленинграда.

Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район, с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий.

Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега р. Невы, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера.

Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боёв, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: г. ШЛИССЕЛЬБУРГ, крупные укрепленные пункты МАРЬИНО, МОСКОВСКАЯ ДУБРОВКА, ЛИПКА, рабочие посёлки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию СИНЯВИНО и станцию ПОДГОРНАЯ.

Таким образом после семидневных боёв войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января СОЕДИНИЛИСЬ и тем самым ПРОРВАЛИ блокаду Ленинграда.

В ходе наступления наших войск разгромлены 227, 96, 170, 61 пехотные дивизии немцев, 374 пехотный

полк 207 пехотной дивизии, 85 пехотный полк 5 горнострелковой дивизии, 223 мотоотряд и частично 1 пехотная дивизия.

По неполным данным нашими войсками взяты в плен 1.261 солдат и офицер.

За время боёв разрушено нашей артиллерией и миномётами укрепленных узлов и блиндажей—470, прочно оборудованных наблюдательных пунктов—25 и уничтожено и подавлено 172 артиллерийских и миномётных батарей противника.

ВЗЯТЫ следующие трофеи: орудий—222, миномётов—178, пулемётов—512, винтовок—5.020, шестиствольных миномётов—4, танков—26, бронемашин—9, ручных гранат—17.300, раций—72, патронов—2.200.000, снарядов—22.000, мин—36.000, автомашин—150, лошадей—1.050, повозок—880, разных складов—40.

На поле боя оставлено более 13.000 трупов немецких солдат и офицеров.

Прорыв оборонительной линии противника осуществлён частью сил Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника ГОВОРОВА Л. А. и частью сил Волховского фронта под командованием генерала армии МЕРЕЦКОВА К. А.

Координацию действий обоих фронтов осуществляли представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Советского Союза тов. ЖУКОВ Г. К. и тов. ВОРОШИЛОВ К. Е.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта тов. РОМАНОВСКОГО В. З. и генерал-майора тов. ДУХАНОВА М. П.

Артиллерия на Пулковских высотах, 1944 г.

Части генерала Н.П. Симоняка продвигаются вперед, январь 1944 г.

Крупные успехи были достигнуты и непосредственно на северо-западном направлении в январе 1943 г. В период завершающих операций Сталинградской битвы войска Ленинградского и Волховского фронтов при содействии Балтийского флота нанесли поражение группировке противника на шлиссельбургско-синявинском выступе, прорвали вражескую блокаду Ленинграда, создав коридор шириной 8–11 км, позволивший восстановить сухопутные коммуникации города со страной.¹⁰

Немецко-фашистское командование считало и не раз во всеуслышание заявляло, что Ленинград фактически «находится» в руках их войск. В оперативных документах о Ленинграде говорилось даже в прошедшем времени. Прорыв блокады Ленинграда положил конец хвастливому и лживым заявлениям фашистского командования.

Отступление немецких войск из-под Ленинграда, январь 1944 г.

Все прогрессивное человечество с огромным удовлетворением восприняло радостную весть о прорыве блокады Ленинграда.

Президент Ф. Рузвельт от имени народа Соединенных Штатов Америки прислал специальную грамоту Ленинграду: «В память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии».¹¹

Приказ командующего войсками Ленинградского фронта от 27 января 1944 г.

Линия Маннергейма на Карельском перешейке

Войска продвигаются на Выборг

Советские войска у разрушенного финского ДОТа

Важными были и военные итоги. С успешным завершением операции «Искра» наступил коренной перелом в битве за Ленинград. Инициатива полностью перешла к советским войскам. Отныне внимание фашистского командования сосредоточилось на совершенствовании линии своей обороны, которая была названа «Северным валом». Этот «вал», по замыслу противника, должен был прикрывать подступы к Прибалтике, сохранить морские коммуникации.

Большое значение принадлежит битве за Ленинград и в разгроме противника под Курском и на Левобережной Украине. В этот период войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов по указанию Ставки ВГК вели активные боевые действия под Ленинградом, на р. Волхов, у оз. Ильмень и южнее. Взаимодействуя с войсками центрального участка советско-германского фронта, защитники Ленинграда в упорных и ожесточенных боях продолжали истощать и обескровливать силы группы армий «Север». Наступательные операции в районах Синявино, Кириши, Новгорода, Демянска хотя и не дали существенных территориальных результатов, но сковали силы противника на обширном фронте от Ленинграда до оз. Ильмень и южнее.

Особенно велико военно-политическое значение битвы за Ленинград в зимне-весенней и летне-осенней кампаниях Красной Армии 1944 г. Перейдя в середине января в наступление, войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при содействии Балтийского флота, Ленинградской армии ПВО, авиации дальнего действия и партизан в ходе 1,5 месячных непрерывных наступательных боев нанесли крупное поражение группе армий «Север». Именно в

этой стратегической наступательной операции, являвшейся важнейшим звеном всей зимне-весенней кампании и ставшей решающим сражением в битве за Ленинград, были достигнуты такие результаты на северо-западном направлении, каких не удавалось добиться ни в 1942, ни в 1943 годах. Советские войска, взломав оборону врага на фронте до 600 км, отбросили его на 220–280 км от Ленинграда, а южнее оз. Ильмень продвинулись на запад до 180 км, освободили героический город от 900-дневной вражеской блокады, почти всю Ленинградскую и часть Калининской областей, сокрушили «Северный вал» и создали предпосылки для освобождения Прибалтики, а также Карельского перешейка и Южной Карелии. Это была первая крупная победа наших войск в 1944 году.¹²

Летне-осеннюю кампанию 1944 г. также начали войска северо-западного направления. В течение двух месяцев (с 10 июня по 9 августа) мощными ударами войск Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий и авиации дальнего действия были разгромлены группиров-

Переправа, осень 1944 г.

ки финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

В результате Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции – завершающей операции битвы за Ленинград – советские войска ликвидировали финское звено блокады Ленинграда, освободили северную часть Ленинградской области и большую часть Карело-Финской ССР, а также восстановили коммуникации,

Последнее пристанище захватчиков на эстонской земле, осень 1944 г.

связывающие советский север с центральными районами страны. Успешные действия наших войск существенно изменили стратегическую обстановку на северном участке советско-германского фронта, предопределили выход Финляндии из войны, создали условия для освобождения Северной Карелии, Советского Заполярья и северных районов Норвегии.¹³

Битва за Ленинград имела большое военно-политическое и международное значение. Она оказала существенное влияние на ход военных действий на других стратегических направлениях советско-германского фронта Великой Отечественной войны, а также и Второй мировой. До 20% немецко-фашистских войск и вся финская армия были втянуты в военные действия на Северо-Западе. Гитлеровское командование не могло перебрасывать из-под Ленинграда крупные силы на другие участки фронта, когда там происходили главные события. С окончанием битвы за Ленинград высвободилось значительное количество войск Ленинградского и Карельского фронтов,

Пленные немцы в Курляндии

Ленинград, 8 июля 1945 г.

которые Ставка ВГК использовала на других стратегических направлениях. Существенно улучшилось оперативное положение Балтийского флота, повысилась его роль в последующих операциях Красной Армии.¹⁴

За время битвы войска противника понесли большие потери. По данным генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии в ходе битвы за Ленинград было разгромлено до 50 немецких пехотных, танковых и моторизованных дивизий. Группа армий «Север» оказалась на 3 года прикованной к Ленинграду. А в мае 1945 г. ее остатки ожесточенно сопротивлялись в Курляндии войскам Ленинградского фронта. Фашисты отказывались капитулировать, боясь возмездия за свои преступления под Ленинградом.

Победа в битве за Ленинград досталась дорогой ценой. Безвозвратные потери участвовавших в ней войск и сил флота составили 632,5 тыс. военнослужащих.¹⁵ В результате блокады в Ленинграде, по разным источникам, от голода, болезней, бомбежек и артиллерийских обстрелов потери составили от 624 до 800 тысяч мирных граждан, а в Ленинградской области более 250 тыс. человек.

«История войн не знала такого примера героизма, мужества, трудовой и боевой доблести, какую проявили защитники Ленинграда» (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков).¹⁶

Беспримерный подвиг защитников Ленинграда был высоко оценен Родиной. Более 1 млн солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. 662 доблестных воина удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а 15 из них стали дважды Героями великой страны. Указом ПВС СССР от 22 декабря 1942 года была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», которой награждено 1,5 млн человек. 26 января 1945 г. Ленинград награжден орденом Ленина, а 8 мая 1965 г. город-герой награжден медалью «Золотая Звезда».

«Ленинград по праву снискал себе славу города героя. Его оборона была эпопеей человеческого мужества, стойкости, самоотверженного патриотизма, одним из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армий

во всей истории войн на земле. Этот подвиг никогда не изгладится из памяти живущих и грядущих поколений. Он всегда будет напоминать о советских людях 40-х годов XX столетия, в едином порыве вставших на защиту своего Отечества, проявивших железное упорство, бесстрашие в борьбе, умение биться с врагом до победного конца. Героическая эпопея Ленинграда не померкла доньше и не померкнет в веках» (Маршал Советского Союза А.М. Василевский).¹⁷ Наши союзники высоко оценили подвиг ленинградцев. Американская газета

«Нью-Йорк Таймс» в передовой статье 31 января 1944 г. писала: «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет зачислен в анналы истории как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа России».¹⁸

Радио Лондона, жители которого знали, что такое бомбардировки и обстрелы, в

А.Ф. Щеглов впереди колонны 30-го гвардейского стрелкового корпуса войск Ленинградского фронта, которые торжественно вошли в Ленинград 8 июля 1945 г.

Ленинградцы встречают победителей, 8 июля 1945 г.

январе 1944 г. сообщало: «... Своим мужеством, своей самоотверженностью население Ленинграда и героические солдаты, оборонявшие вместе с населением город, вписали самую замечательную страницу в истории мировой войны, ибо они больше, чем кто бы то ни было, помогли грядущей окончательной победе над Германией».¹⁹

Даже в стране врагов роль Ленинграда оценивалась довольно объективно. Небезызвестный гитлеровский генерал К. Типпельскирх писал, что «русские войска... не только освободили Ленинград от двухлетней блокады, но и отбросили немецкие войска к границам Прибалтийских государств. Кроме того, достигнутые ими на этом фронте успехи привели также к решающим политическим последствиям: вслед за Италией теперь и у Финляндии появились сомнения в конечной победе Германии, и она стала искать контакта с противником».²⁰

Прошло почти 80 лет с начала битвы за Ленинград и более 75 лет после ее окончания, но подвиг воинов и мирных граждан, отстоявших город на Неве, остается и навсегда останется с благодарными потомками как величайший образец патриотизма, несгибаемой воли и неугасимой веры в победу над врагом.

М.Я. Тарасов,

кандидат военных наук, доцент

Список использованной литературы

1. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 220. Л. 185–186.
2. Сковорцов В.Н., Тарасов М.Я., Фролов М.И. Ленинградский военный округ, Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. С. 30.
3. 25 сентября командующий группой «Север» генерал-фельдмаршал В. Лееб доложил главнокомандующему сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршалу В. Браухичу, что оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград он не может.
4. Ленинградская битва. Т. 3. – СПб.: ИПК «Вести», 2010. С. 6.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 97.
6. Ленинградская битва. Т. 3. – СПб.: ИПК «Вести», 2010. С. 400.
7. Ковальчук В.М. Магистраль мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда 1941–1943 гг. – СПб.: ИПК «Вести», 2001. С. 191.
8. Вестфаль З. и др. Роковые решения. Перевод с английского. – М., 1958. С. 157.
9. Операции советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 1. – М.: Воениздат, 1958. С. 500; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 3. С. 454.
10. Петербургский-Петроградский-Ленинградский военный округ. В двух томах. Т. 1. – СПб.: ИПК «Вести», 2012. С. 278–279.
11. Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 340.
12. Военно-исторический журнал, 2004. № 2. С. 13.
13. Военно-исторический журнал, 2005. № 1. С. 19–25.
14. Барбашин И.П. и др. Битва за Ленинград 1941–1944. – М.: Воениздат, 1964. С. 551.
15. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. – М.: Вече, 2009. С. 86, 97, 118, 141, 144; 178–182.
16. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. – М.: АПН, 1995. С. 192.
17. Ленинградская битва. Т. 3. – СПб.: ИПК «Вести», 2010. С. 8–9.
18. Известия, 1944. 1 февраля.
19. Известия, 1944. 22 января.
20. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – М., 1956. С. 366.

Люфтваффе под прицелом немецких зениток В БИТВЕ ЗА МОСКВУ

На смотровой площадке музея в линейке трофейных образцов вооружения экспонируется 105-мм зенитная пушка образца 1939 года из Германии. В 1941 году эта зенитная пушка защищала небо советской столицы от налетов люфтваффе. Можно ли назвать ее трофеем?

Трофеем зачастую становится функционирующее военное имущество противника (стрелковое оружие, танки, самолеты, автомашины, боеприпасы и др.), которое может использоваться победителем в практических целях.

Но в августе 1939 года война еще не началась, еще не определились противники и победители. В это время Советский Союз заключил с фашистской Германией пакт о ненападении. Одновременно было заключено и торговое соглашение. Для его реализации в Германию выехала торговая делегация, в числе членов которой находились специалисты в области военной техники. Уже тогда, вынашивая планы нападения на Советский Союз, фашистское руководство Германии, тем не менее, довольно подробно знакомило наших представителей со своей новейшей боевой техникой. Больше того, советская делегация закупила образцы некоторых немецких самолетов, орудий и другого оружия. Фашисты были уверены, что мы не сумеем использовать их опыт, что наша промышленность и кон-

структорская мысль не в состоянии даже копировать столь сложную военную продукцию.

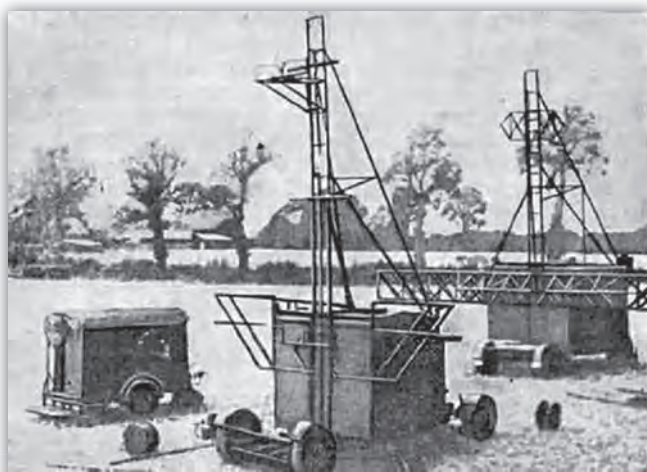
Для сравнения с отечественными орудиями в Германии закупили батарею из четырех 105-мм зенитных пушек образца 1939 года с положенным по штату имуществом. Пушки были снабжены электроприводами, автоматическими установщиками трубки, приборами управления стрельбой, мобильным генератором постоянного тока мощностью 24 киловатта, работавшим от бензинового двигателя.

В РККА зениток калибра свыше 85 мм до конца войны не появилось. Первую отечественную 100-мм КС-19 приняли на вооружение лишь в 1948 году. Хотя к проектированию зенитных пушек калибра 100 и 122 мм конструкторы приступили еще в начале 30-х годов. Зенитки калибра 122 мм дальше эскизных чертежей не ушли, а вот опытные образцы 100-мм зенитных орудий создавали в четырех КБ.

В 1934 году в КБ Кировского завода началась разработка 100-мм зенитной пушки Л-6. Опытный образец ленинградские оружейники изготовили и испытали в октябре 1937 года, однако довести пушку до ума так и не удалось.

Станция орудийной наводки СОН-20т – излучающая установка

Общий вид станции орудийной наводки GL Mk II. На переднем плане – приемная cabina, слева – агрегат питания, справа – передающая cabina

Батарея 85-мм
зенитных пушек

Одновременно с КБ Кировского завода в работу включились сотрудники московского завода № 8 имени Калинина, спроектировавшие 100-мм зенитку 73-К, а также конструкторы Отдельного технического бюро УНКВД, проектировавшие 100-мм спаренную зенитную установку БЛ-140.

Для ВМС РККА пытались создать крупнокалиберное зенитное орудие – на флоте пушки калибра 100 мм называли универсальными, так как они должны были стрелять и по целям на воде. С 1930 по 1937 год в КБ завода «Большевик» создали мощную зенитную пушку Б-14. Корабельный вариант назвали Б-14, армейский – Б-14с, различались они только в мелочах. Однако довести до выпуска орудие не сумели, и Управление ВМС РККА заказало зенитную палубную установку Б-34.

Летом 1940 года в Политбюро ЦК ВКП(б) решили разобраться с тем, как обстоят дела в области высотной зенитной артиллерии, и оружейникам пришлось показывать на научно-исследовательском зенитном полигоне под Евпаторией все, что наработано и могло стрелять. Привезли три зенитные пушки Л-6, 73-К и Б-34, так как спаренная БЛ-140 была только в проекте.

Наряду с отечественными опытными зенитными пушками были испытаны закупленные в Германии 105-мм зенитные пушки образца 1939 года. Все три отечественные зенитки заведомо проигрывали германским – в опытных экземплярах отсутствовали электрические приводы наведения, автоматические установщики трубок, хотя проектом это предусматривалось. Баллистика советских пушек и германских почти не отличалась, но куч-

ность снарядов 105-мм немецких зенитных пушек оказалась в два раза выше. Германский снаряд при одинаковом весе давал 700 убойных осколков, наш только 300. На испытаниях отметили очень точную работу автоматического установщика взрывателя, а живучесть пушечного ствола немецких зенитных пушек определена в тысячу выстрелов при падении начальной скорости на 10 процентов.

В результате испытаний на вооружение решили принять 100-мм зенитку 73-К, но после устранения дефектов. Однако довести до выпуска зенитку 73-К на заводе имени Калинина так и не сумели. А батарею из четырех немецких 105-мм зенитных пушек образца 1939 года с положенным по штату имуществом отправили на Донгузский научно-испытательный зенитно-артиллерийский полигон НИЗАП, в 20 километрах южнее Оренбурга.

История создания немецких 105-мм зенитных пушек начиналась тоже в начале 30-х годов. Еще в 1933 году отдел планирования Минобороны Германии видел необходимость оснащения армии зениткой большего калибра, чем 88-мм серия «Flak». Дело в том, что вновь проектируемые бомбардировщики все выше и выше поднимали потолок полетов. И если в начале 30-х годов высоты ведения действенного огня зенитки «Flak 18», составлявшей 7,6 тысяч метров, с избытком хватало для того, чтобы сбить любой существующий вражеский бомбардировщик, то уже с 1936 года в британском арсенале появился средний бомбардировщик «Веллингтон» с максимальной высотой полета более 7,1 тыс. метров, доставать который 88-мм зениткам стало уже затруднительно. Тогда

же военные заказали фирмам «Крупп» и «Рейнметалл» спроектировать зенитную пушку калибром 105 мм. Причем это орудие должно было «прописаться» не только на суше, но и на море, обеспечивая ПВО крупных кораблей Военно-морского флота.

К 1935 году каждая фирма представила по два опытных образца своих 105-мм зениток, которые в том же году прошли сравнительные испытания. По их результатам лучшей была признана 105-мм пушка фирмы «Рейнметалл». В конце 1937 года окончательный вариант этого орудия был принят на вооружение под наименованием 10,5 см «Flak 38». Модель имела электрическую систему управления стрельбой и мощный механизм заряжания, но вскоре в производстве ее заменили усовершенствованной пушкой «Flak 39». Пушка «Flak 39» отличалась от «Flak 38» конструкцией ствола, лафета и тем, что были установлены двигатели переменного тока. Четырехорудийная батарея «Flak 38» комплектовалась специальной установкой с бензиновым двигателем, приводившим в действие генератор постоянного тока напряжением 220 В и мощностью 24 кВт. Генератор подавал питание к электромоторам, установленным на пушках. На каждом орудии было по четыре электромотора: вертикального наведения, горизонтального наведения, досылателя и автоматического установщика взрывателя. В пушках «Flak 39» электромоторы были переведены на переменный ток, чтобы иметь возможность подключаться к промышленным и городским электросетям. Обе модели предназначались для полевых армий вермахта, но, в конце концов, практически все они были задействованы для обороны Рейха. «Flak 38» и «Flak 39» получились габаритными и тяжелыми орудиями, более сложными не только по конструкции, но и в производстве из-за секционного ствола – для быстрой смены его изношенной части после длительной стрельбы. К сожалению, в бою они показали себя не намного лучше, чем 88-мм пушки. В отличие от 88-мм пушек, применение 105-мм «Flak 39» было ограничено их массой и габаритами. Пушки монтировались на железнодорожные платформы, стационарные позиции и на обычные лафеты. Лафет имел крестообразное расположение станин – это позволяло вести круговой обстрел с углом возвышения до 85°. Для наведения пушки на цель применялись электродвигатели. На пушке был установлен полуавтоматический клиновой затвор с электрическим спуском, что

позволяло производить 15–20 выстрелов в минуту. Высота эффективного огня орудия составляла 9,3 тысячи м, а бронепробиваемость пушки на расстоянии 1000 метров составляла 138 мм. Для перевозки 105-мм зенитка устанавливалась на два колесных хода, которые отсоединялись при переводе орудия из походного положения в боевое. Стандартный расчет орудия состоял из командира отделения и 9 человек прислуги плюс еще 2 человека при зарядании орудия вручную.

Первый массированный налет на Москву противник предпринял в ночь с 21 на 22 июля 1941 года. Выдающуюся роль в обороне Москвы от налетов германской авиации сыграл 329-й зенитный артиллерийский полк. Сформированный 5 сентября 1939 года, он в составе 2-й артбригады 1-го корпуса ПВО защищал столичное небо. Пять дивизионов среднекалиберной зенитной артиллерии прикрывали юго-восточные подступы к Москве: поселки Стрелку, Анино, Мамыри, Черемушки и Коньково. Сейчас эти районы уже давно в городской черте.

Первый самолет противника был сбит огнем 1-й батареи и упал южнее Бутова, в эту же ночь был сбит еще один самолет. Все последние июльские ночи самолеты пытались прорваться к Москве. Налеты были массированными и продолжительными. Самолеты прилетали с разных сторон, на разных высотах – от 1500 до 7000 м, применяли рассредоточение в зоне огня зенитной артиллерии, шли с приглушенными моторами, проводили бомбометание по боевым порядкам, при налетах придерживались ясно выраженных местных ориентиров: Киевское, Каширское, Боровское и Подольское шоссе, железные дороги, Москва-река.

В ночь с 24 на 25 июля был сбит еще один самолет противника. Всего в июле сбито три самолета. При отражении налетов в августе были сбиты еще три самолета.

С началом войны командование и инженеры Научно-испытательного зенитно-артиллерийского полигона выступили с инициативой формирования из имевшегося на полигоне зенитного вооружения зенитной артиллерийской батареи и предложили направить ее на защиту столицы. По согласованию с командующим Московской зоной ПВО генералом М.С. Громадиным 15-я батарея была развернута осенью 1941 года в боевых порядках 329-го зенитного артиллерийского полка, на юге от Москвы в селе, где сейчас территория парка «Коломенское». Батарея была укомплек-

тована четырьмя орудиями 75-мм калибра, четырьмя 105-мм калибра и шестью 37-мм автоматическими пушками для прикрытия батареи. В ее состав был включен экспериментальный радиоискатель Б-3. Радиоискатель Б-3 был изготовлен до войны в единственном экземпляре в ленинградском НИИ-9 под руководством ведущего инженера П.П. Кузнецова и состоял из двух приборов – определителя азимута и определителя угла места, размещенных на автоприцепах. Дальнейшему его освоению помешала война. НИИ был эвакуирован, а радиоискатель Б-3 остался на испытательном полигоне, где при формировании 15-й батареи был включен в ее состав. С получением из Англии по ленд-лизу станции орудийной наводки GL-MkII ее также включили в состав батареи.

15-й зенитной батарее командование Главного артиллерийского управления поставило задачи содействовать ПВО Московской зоны в отражении вражеских налетов, а также исследовать в боевых условиях практический эффект зенитной артиллерии при применении радиолокационной техники. Поскольку задачи носили и боевой, и научно-исследовательский характер, команда батареи была укомплектована опытнейшими командирами и инженерами-испытателями полигона.

Появление опытной батареи под Москвой фашистские летчики заметили очень скоро. Ее прицельный огонь оказался столь действенным, что заставлял самолеты врага обходить район ее расположения. Только за ноябрь 1941 года батарея вела сопроводительный прицельный огонь по 127 целям, и в 98 случаях вражеские бомбардировщики меняли курс сразу же после открытия огня, сбрасывали бомбовый груз и уходили из зоны обстрела батареи, отказываясь от попыток прорваться к Москве. Четыре самолета были повреждены. Накопленный опыт в период битвы за Москву и статистические данные показали, что 15-я батарея и смежные с ней части зенитной артиллерии, использовавшие данные батареи, отразили нападение 80,4% самолетов фашистской авиации, стремившихся прорваться к городу через зону боевых порядков батареи и соседей. При этом на каждый отраженный самолет было израсходовано в среднем по 98 снарядов среднего калибра, то есть в 25 раз меньше, чем при ведении зенитной артиллерией заградительного огня без применения радиолокационных станций. Эти цифры, выведенные инженерами-испытателями опытной батареи за лето и осень 1941 года, в условиях напряженной

противовоздушной обороны Москвы, впервые убедительно показали значение радиолокации для зенитной артиллерии.

15-я батарея воевала и исследовала. В первые же ночные стрельбы по фашистским бомбардировщикам инженеры-радиооператоры заметили, что на экране индикатора радиолокатора видна не только цель, но и разрывы снарядов вблизи от нее. Эта особенность радиоискателя была использована для введения коррекции в стрельбу по невидимым целям. Наведение зенитных орудий 15-й батареи осуществлялось с помощью опытного радиоискателя Б-3, затем в 1942 году в состав батареи вошла английская станция орудийной наводки GL-MkII, на базе которой советские инженеры создали станцию орудийной наводки СОН-2. Предложение Главного артиллерийского управления о включении станций орудийной наводки в план поставок из Великобритании было передано в Государственный Комитет Обороны в ноябре 1941 года. Соответственно первые такие системы наши части ПВО могли получить только зимой 1942 года. А уже 10 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление о разработке станции орудийной наводки и ее серийном выпуске, а также об организации для этой цели радиозавода в системе Народного комиссариата электропромышленности. Новое предприятие стало не только разрабатывать и серийно выпускать станции орудийной наводки, но и вести научные исследования по радиолокации для зенитной артиллерии. По существу был создан завод-институт, который выпустил первые два опытных комплекта станций орудийной наводки СОН-2а за 8 месяцев, на отечественной элементной базе. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 декабря 1942 года СОН-2а была принята на вооружение и передана в серийное производство.

22 декабря 1941 года закончилось первое полугодие войны. За этот период в зоне ПВО Москвы было зафиксировано свыше 8300 вражеских самолетов. Из них до границ зоны огня зенитной артиллерии, составляющей 35–45 км от центра столицы, добралось 7146 самолетов и только 229 из них прорвались к городу. За этот период было отражено 122 сильнейших налета противника, из них 32 дневных и 90 ночных.

Всеми средствами ПВО было уничтожено всего 1392 немецких самолета, в том числе 130 подбито, из них 1076 – истребительной авиацией, 267 – ог-

105-мм зенитная пушка образца 1939 года (Германия)

105-мм зенитная пушка образца 1939 года (Германия) на смотровой площадке ЦМВС РФ

нем зенитной артиллерии и 49 – зенитными пулеметами и аэростатами воздушного заграждения.

Войска ПВО выиграли сражение в воздухе и тем содействовали сухопутным войскам и ВВС отстоять столицу, развеять миф о непобедимости немецкого вермахта и похоронить план «молниеносной» войны с СССР.

Второй воздушный флот фашистской Германии, поддерживавший наступление немецких армий на московском направлении, понес невосполнимые потери. Зима 1941–1942 годов прошла для москвичей практически без воздушных тревог.

Первый самолет противника был сбит огнем 1-й батареи 329-го зенитного артиллерийского полка ПВО уже в ночь на 22 июля 1941 года. А последний 14-й – 4 марта 1942 года, как победное завершение Московской битвы. 15-я батарея полностью оправдала свое назначение и выполнила возложенные на нее задачи. Она не только успешно несла боевую службу, но и стала подлинной фронтовой школой по передаче опыта зенитно-артиллерийским частям Московской зоны ПВО и подготовке начальников и операторов станций орудийной наводки, где свыше 50 офицеров приобрели навыки самостоятельной работы. После того, как угроза воздушного нападения на Москву миновала, в конце 1942 года инженеры-испытатели и большая часть личного состава офицеров, старшин и сержантов 15-й батареи возвратились на Научно-испытательный зенитно-артиллерийский полигон Главного артиллерийского управления.

15 июня 1943 года 329-й зенитный артиллерийский полк ПВО был реорганизован в 54-ю зенитную артиллерийскую дивизию ПВО. Части и службы дивизии были сформированы из специалистов соответствующих подразделений 329-го зенитного артиллерийского полка ПВО и продолжали выполнять задачи, поставленные ранее полку. 1, 2, 3, 4, 5-й дивизионы среднего калибра были реорганизованы соответственно в полки – 1745, 1747, 1749, 1751, 1753-й, дивизион малокалиберной зенитной артиллерии – в 338-й Отдельный зенитный артиллерийский дивизион малого калибра, прожекторный батальон – в 8-й зенитный прожекторный полк.

Начиная с августа 1943 года батареи дивизии принимали участие во всех салютах в честь побед Красной Армии на фронте. В 1944 году большая группа офицеров, сержантов и рядовых – свыше 150 человек – были награждены орденами и медалями СССР.

В мае и июне 1945 года был подготовлен Сводный зенитный артиллерийский полк, который участвовал в первомайском параде войск Красной Армии на Красной площади в Москве и в Параде Победы 24 июня.

До 1950 года 54-я зенитная артиллерийская дивизия ПВО была объединена с другой воинской частью. Новое формирование получило наименование «80-я зенитная артиллерийская дивизия», которая была передислоцирована в военный городок Никулино, а в 1957 году расформирована.

Возвратиться под знамя 329-го зенитного артиллерийского полка 105-мм немецкой зенитной пушке довелось в 1985 году в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Пушка была передана в музей 59-м арсеналом Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны для сохранения памяти об обороне Москвы от воздушных налетов люфтваффе всеми имеющимися средствами, даже немецкими зенитными орудиями.

Знамя 329-го зенитного артиллерийского полка, в состав 15-й батареи которого входила 105-мм немецкая зенитная пушка, было сдано в музей после расформирования полка и хранится ныне в знаменном фонде музея. А пушка заняла отведенное для нее место в экспозиции на смотровой площадке музея.

С.А. Миловидов,

старший научный сотрудник ЦМВС РФ

Список использованной литературы

1. Администрация муниципального округа Зюзино. Официальный сайт.
2. Большая советская энциклопедия. Трофеи военные.
3. Журавлев Д.А. Огневой щит Москвы. – М.: Воениздат, 1972. – 232 с.
4. Лобанов М.М. Начало советской радиолокации: Издательство «Советское радио», 1975.
5. Широкопад А.Б. Общероссийская еженедельная газета «Военно-промышленный курьер». Выпуск № 3 (866) за 26.01.2021 г.
6. Шокин А.И. Портрет на фоне эпохи. Очерки истории Российской электроники. Выпуск 6. 2015 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НКВД СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1945—1956 гг.

Многие годы наше знание о судьбах людей, попавших в плен во время Второй мировой войны, ограничивалось представлением об ужасах фашистских концлагерей. В то же время о судьбах многих миллионов людей, которые были взяты в плен войсками Красной Армии или были интернированы из своих стран на территорию СССР, достоверной информации получить было невозможно. Основной причиной этого было то, что большая часть архивных документов, которые могли бы дать ответ на эти вопросы, оставалась закрытой для изучения. Только последние несколько лет частично эти документы стали рассекречиваться. Это обстоятельство активизировало научное исследование данной тематики.

Тем не менее до сих пор далеко не все аспекты этой проблемы являются достаточно изученными. Мало накоплено информации о деятельности учреждения, которое непосредственно отвечало за прием, содержание, медицинское обеспечение и трудовое использование иностранных военнопленных и интернированных в советских лагерях. Это учреждение при своем создании получило название: Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, а позднее название изменилось на Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

По положению о Главном управлении по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (ГУПВИ НКВД СССР) на него возлагались следующие задачи: прием и содержание военнопленных, организация приемных пунктов и лагерей, организация трудового использования бывших солдат и офицеров противника и ведение с ними политической работы. В истории ГУПВИ можно выделить военный и послевоенный периоды. Первый был обусловлен задачами военного времени – обеспечить прием, содержание и лечение военнопленных.

Послевоенный период диктовался политической волей советских партийных и государственных деятелей, которые стремились удержать военнопленных на территории СССР как можно дольше и, прежде всего, в качестве рабочей силы.

За годы войны ГУПВИ выросло в огромное ведомство. В феврале 1945 г. его начальником был назначен М.И. Кривенко, занимавший до этого пост начальника Управления конвойных войск НКВД. С окончанием войны задачи фронтовых органов ГУПВИ значительно возросли, так как капитуляция Германии повлекла массовую сдачу в плен солдат и офицеров германской армии. В течение одного месяца после капитуляции от частей Красной Армии было принято 1 340 000 человек, из которых 885 тыс. – за первые десять дней¹.

Одновременно с приемом военнопленных бывшей немецкой армии ГУПВИ проводило работу на Востоке по приему военнопленных японцев. Постановление ГКО предусматривало вывоз 520 тыс. военнопленных из Маньчжурии на Дальний Восток, в Восточную Сибирь и другие районы СССР².

В марте 1947 г. М.С. Кривенко сняли с поста в связи с неудовлетворительным положением в лагерях. На его место назначили генерал-лейтенанта Т.Ф. Филиппова. А в мае 1947 г. в Германию отправили 113 тыс. нетрудоспособных военнопленных. Уже в апреле показатель смертности среди немецких военнопленных сократился в 2,5 раза, а среди японских – в 2 раза³.

Вопросы сохранения здоровья военнопленных напрямую были связаны с организацией их трудоустройства. Около 300 тыс. военнопленных было направлено на восстановление и строительство промышленных предприятий металлургии, машиностроения, химической промышленности, транспортного машиностроения и авиапромышленности на Урале, в Центральной России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Около 200 тыс. работало на шахтах Донбасса, Кузбасса, Караганды, Подмосковского угольного бассейна и Урала. Порядка 250 тыс. было занято на строительстве железных дорог. Особенно много военнопленных, в основном японских, работало на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Практически полностью силами военнопленных были восстановлены города – Смоленск, Брянск, Петрозаводск, Курск, Воронеж, Псков, Севастополь и Сталинград.

ГУПВИ проводило работу по выявлению высококвалифицированных специалистов среди военнопленных и интернированных. Собирались их рационализаторские предложения, технические изобретения в области военного дела, энергетики, метеорологии и других сферах. Во многих лагерях организовывались технические бюро, и немалое количество их разработок было внедрено в производство. В 1946–1947 гг. на учете ГУПВИ находилось до 2 тыс. иностранных специалистов, от которых получено более 350 технических предложений⁴.

Одним из основных направлений работы ГУПВИ в послевоенный период стала организация репатриации военнопленных и интернированных. Массовая репатриация началась почти сразу же после окончания войны. Первые партии освобождаемых военнопленных состояли из нетрудоспособных, малотрудоспособных и небольшого количества отличников-производственников для стимулирования роста производительности труда оставшихся. В 1945 г. репатриировали независимо от физического состояния только военнопленных французов и румын⁵.

С началом репатриации руководство НКВД выдвинуло задачу фильтрации военнопленных, выявления военных преступников, участников зверств, профашистски и антисоветски настроенных элементов.

Был подготовлен ряд открытых процессов над немецко-фашистскими преступниками в декабре 1945 – январе 1946 г. Процессы проходили в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Риге и Великих Луках. Осудили 84 человека, из них 18 генералов⁶. ГУПВИ НКВД СССР приняло участие в подготовке материалов для заседания Международного военного трибунала в Нюрнберге, которое проходило с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

К 1947 г. произошел раскол Европы на сферы влияния. Одним из инструментов политической борьбы стал и вопрос о военнопленных. В апреле 1947 г. в Москве состоялась конференция мини-

стров иностранных дел США, СССР и Великобритании, на которой было принято решение о репатриации немецких военнопленных до 31 декабря 1948 г. Правительство СССР не определило сроки пребывания в советских лагерях оставшихся военнопленных и интернированных.

В конце 40-х годов в связи с обострением международной обстановки и внутреннего положения деятельность ГУПВИ активизировалась. Именно в этот период военные трибуналы рассмотрели тысячи уголовных дел на военнопленных солдат различных национальностей, которые за кражу, как правило, продуктов питания или вещей для обмена на продукты по новому Указу правительства, принятому 4 июня 1947 г., приговаривались к срокам от 5 до 25 лет. Проходили судебные процессы над членами СС, СД и гестапо. Эта категория подсудимых обычно получала максимальные сроки заключения (25 лет), так как смертная казнь в СССР в 1947 г. была отменена.

В конце 1947 г. ГУПВИ подготовило и провело 9 открытых судебных процессов над бывшими военнослужащими вражеских армий в городах Бобруйске, Сталине, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Витебске, Кишиневе, Новгороде и Гомеле. Перед судом предстало 143 человека, из них 23 генерала. Эти процессы вызвали шок у большей части военнопленных, так как к суду стали привлекаться армейские генералы и офицеры, находящиеся в плену уже несколько лет. Многие считали, что генералы, а тем более низшие чины выполняли приказы, за это их судить нельзя.

В это же время Оперативное управление ГУПВИ подготовило следственные дела на более 3 тыс. военнопленных для проведения закрытых процессов. Подавляющее большинство пленных генералов осудили на большие сроки. В течение 1947–1950 гг. было осуждено более 30 тыс. только немецких военнопленных и интернированных.

Задачей политической работы ГУПВИ среди репатрируемых являлось «перевоспитание» военнопленных, пропаганда среди них идеалов социализма. Для выполнения этих задач использовались как политические, так и экономические методы. Партии военнопленных перед непосредственной репатриацией освобождались от работы, обеспечивались дополнительным питанием и одеждой. Возвращенные военнопленные делились с общественностью своими воспоминаниями о тяжелом положении в советских лагерях. В ответ на это в 1948–1949 гг. ГУПВИ развернуло широкомасштабную работу сре-

ди оставшихся военнопленных. Все же основным критерием для репатриации или ее отсрочки были не только трудовые показатели военнопленного, но и его поведение в лагере, а также его отношение к Советскому Союзу и ГДР, его планы и идеологическая ориентация после освобождения.

Об окончании репатриации немецких военнопленных объявили в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г., а японских – от 22 апреля 1950 г. После окончания репатриации в СССР остались только осужденные и подследственные заключенные, а также небольшое число задержанных от репатриации по болезни и другим причинам. Всего, по данным ГУПВИ, к этому времени было репатрировано 3 168 109 военнопленных. В том числе: в Германию – 1 939 099 человек, в Японию – 5 10409, в Венгрию – 377 411, в Румынию – 194 069, в Австрию – 120 619 человек⁷.

Приказом МВД СССР от 20 июня 1951 г. ГУПВИ лишается прилагательного «главное» в своем названии, что подчеркивало ранее масштаб и значение деятельности этого учреждения. Начальником УПВИ МВД СССР назначается заместитель начальника ГУЛАГа А.З. Кобулов.

В декабре 1952 г. в лагерях МВД содержалось 19 1694 осужденных военнопленных. Они работали на строительстве шахт Донбасса, на Урале – в системе министерств угольной промышленности, строительства предприятий тяжелой индустрии, машиностроения, вооружения, черной металлургии, жилищно-гражданского строительства и др.

15 марта 1953 г. министром внутренних дел становится Л.П. Берия. Пробыв на этом посту всего несколько месяцев, он успел провести некоторые изменения: МВД и МГБ вновь были объединены в одном министерстве, ГУПВИ ликвидировалось, его функции по обеспечению охраны, содержания, трудового использования, медико-санитарного обслуживания и снабжения осужденных военнопленных и интернированных передавались Тюремному управлению МВД СССР.

В феврале 1954 г. согласно приказу МВД особые лагеря передали из ведения Тюремного управления в ГУЛАГ МВД СССР. В составе Тюремного управления остался отдел по делам военнопленных и интернированных, на который возложили охрану, режим, трудовое использование, персональный учет, репатриацию всех осужденных иностранцев. В 1954–1956 гг. расформировывались последние лагеря и спецгоспиталя для военнопленных.

Масштаб деятельности Управления весьма значителен. За период существования УПВИ-НКВД-МВД СССР сформировано и действовало на территории СССР и других государств 24 фронтовых лагеря, 70 приемно-пересыльных пунктов и 18 отделов фронтовой сети, более 500 лагерей и специальных объектов для военнопленных, 214 спецгоспиталей, 400 рабочих батальонов, 322 лагеря органов репатриации иностранных граждан. Согласно справкам, составленным Тюремным отделом МВД, в 1956 г. через госпитали, лагеря и рабочие батальоны УПВИ прошло 3 486 206 военнопленных немецкой и 639 776 – японской армий и 128 477 интернированных⁸.

Следует иметь в виду, что эти цифры отражают количество учтенных УПВИ военнопленных и интернированных, реальное же число, прошедших через систему ГУПВИ, включая и советских военнослужащих из спецлагерей, превышает 5 млн человек.

Тема военнопленных продолжает оставаться одной из наименее изученных. Она имеет глубокий этический и гуманитарный смысл и нуждается в широком научно обоснованном анализе. Особенно важно передать новому поколению людей тот опыт, который приобрели воюющие государства в гуманизации отношений с военнопленными, но еще более важно на примере деятельности таких учреждений, как ГУПВИ, сделать вывод о недопустимости решения любых межгосударственных противоречий посредством войн.

Д.П. Никифоров,

научный сотрудник ЦМВС РФ

Список использованной литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. С. 29.
2. Там же. С. 17.
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 112.
5. Там же. С. 129.
6. Там же. С. 336.
7. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернированные в Советском Союзе: 1941 – 1956 г. / Пер. с нем. О. Асписовой. – М.: РГТУ, 2002. С. 14.
8. Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР 1941–1945 гг. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2000. С. 135.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации успешно осуществляет свою редакционно-издательскую деятельность. Книжно-журнальная продукция, издаваемая музеем, пользуется популярностью не только у посетителей ЦМВС РФ, но и в отдаленных уголках страны. Редакция приглашает к сотрудничеству военные музеи России, а также ближнего и дальнего зарубежья в целях наиболее полного отражения на страницах нашего журнала всего спектра стоящих перед музеями проблем, подготовки к проводимым в общегосударственном масштабе юбилейным торжествам, обобщения опыта музейной работы, проводимых выставках и т.д. По вопросам сотрудничества и приобретения книжно-журнальной продукции музея обращайтесь в редакционно-издательскую группу ЦМВС РФ.

Наш адрес:

129110, г. Москва, ул. Советской Армии, 2
Центральный музей Вооруженных Сил
Российской Федерации

Телефон редакции:

(495) 681-23-33

(495) 681-83-63, доб.128

E-mail:

cmvs@mail.ru

www.cmaf.ru

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

№ 2 (40) 2019

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

№ 1 (41) 2020

Предтеча Великой Отечественной...
Западный фронт
в начальный период Великой Отечественной войны
Народное ополчение на защите Отечества
Полководцы победного 1945-го
Фронтовой рисунок
От обороны Ленинграда до Гагаринского старта

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ

СБОРНИК

№ 2 (42) 2020

Победная точка во Второй мировой
Парады сентября 1945 года
Свидетельства подвига
«Известно Болгарии всей»
Плакаты Красной Армии выпуска 1920 года
из коллекции ЦМВС РФ
С чего все начиналось...
К 90-летию Воздушно-десантных войск

Церемония передачи ветеранами 402-го гвардейского ракетного полка, в списки которого был навечно зачислен Герой Советского Союза А.А. Космодемьянский, копии полкового знамени музея 211 московской школы имени Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских

Заместитель министра обороны –
начальник Главного управления
военно-политической работы
Вооруженных Сил Российской
Федерации генерал-полковник
А.В. Картаполов выступает
перед ветеранами-
политработниками

Презентация книги
В.В. Бендерова «Лишние»
о непростой судьбе КБ
им. А.Н. Туполева

Традиционный почетный караул
у Знамени Победы от 154-го Преображенского
комендантского полка в День Победы

Музыкальный привет посетителям музея
во время акции «Ночь музеев»